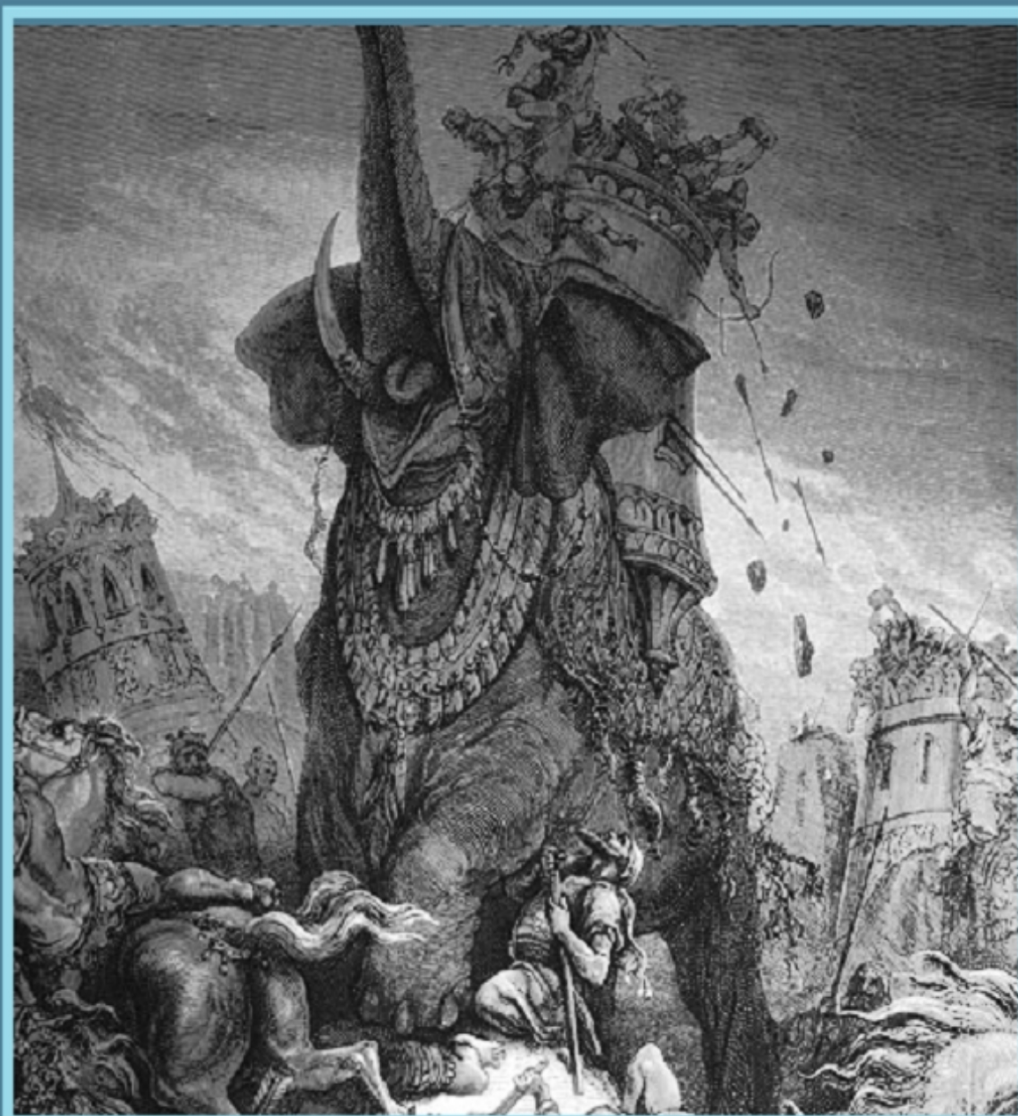

МАРК РАБИНОВИЧ

ЧУДОТВОРЦЫ

16+

Марк Рабинович

Чудотворцы

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рабинович М.

Чудотворцы / М. Рабинович — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Молодой римлянин Публий становится жертвой грязных интриг и вынужден бежать. После череды злоключений он попадает в Иудею и становится участником Маккавейских войн. Теперь его судьба связана с народом, которого он не знает и не понимает. Он познакомится с военачальниками, героями и царями, его ждут битвы и походы, чудеса, ну и, конечно, любовь. В этом историческом романе полно неточностей и, если хотите, можете считать что его действие происходит в альтернативной реальности. В этой странной реальности действительно все не так: мужчины в ней любят, страдают, сражаются и строят, а женщины любят, страдают, рожают, растят детей и умеют ждать. Не правда ли, весьма альтернативно? Там, в неких параллельных мирах, слова "дружба" и "честь" - это не пустые звуки, а слово "любовь" - нечто большее чем слово. Открою вам секрет: некоторые из невероятно любимых и уважаемых мной людей давно уже живут в этой реальности, и мне бесконечно жаль тех, для кого эта реальность - альтернативна.

© Рабинович М., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

От Автора	5
Об альтернативной реальности:	5
Об именах:	6
Пролог	7
Понтифик	11
Беглец	19
Инженер	26
Конец ознакомительного фрагмента.	44

От Автора

Об альтернативной реальности:

Признаюсь честно, дорогой Читатель, я пишу эти эти строки тогда, когда единственным читателем следующего за этим предисловием текста, являюсь я сам, его Автор. Поэтому, позволь мне признаться в том, что не имею я ни малейшего представления о том, насколько хорош или, наоборот, насколько плох этот текст. Знаю лишь одно и именно об этом хочу предупредить своего Читателя – это не исторический роман или, по крайней мере, роман не совсем исторический. Не нужно быть профессиональным историком, чтобы справедливо упрекнуть меня в множестве больших и малых неточности, вплоть до анахронизмов и “развесистой клюквы”. Иной Пытливый Читатель будет также утверждать, и утверждать справедливо, что Маккавеи и вообще люди той эпохи, не могли быть такими и не могли говорить и вести себя так, как они делают это в моей книге, да и вряд ли Шуламит могла петь колыбельную по-русски. Заранее принимаю справедливые упреки и смиренно прошу Пытливую Читателя считать, что действие моей книги происходит в альтернативной реальности. В этой странной реальности действительно все не так и вот вам примеры... Мужчины в ней любят, страдают, сражаются и строят, а женщины любят, страдают, рожают, растят детей и умеют ждать. Не правда ли, весьма альтернативно? Там, в неких параллельных мирах, слова “дружба” и “честь” – это не пустые звуки, а слово “любовь” – нечто большее чем слово. Открою вам секрет: некоторые из невероятно любимых и уважаемых мной людей давно уже живут в этой реальности, и мне бесконечно жаль тех, для кого эта реальность – альтернативна.

Об именах:

Заранее принимаю справедливые упреки в чересполосице звучаний имен и названий в моей книге. Действительно, "маккавеи" вместо "маккабим", но зато "хаимонай" вместо "хасмонеи" и "Йоханан" вместо "Иоана", "Ивана" или "Джона". Возможно также, что не слишком хороши "Ерушалаим" вместо "Иерусалима" или "Ерусалима". Но Пытливый Читатель несомненно заметит некую систему. Как известно, русские слова (и имена) греческого происхождения сильно пострадали от многочисленных смертей и реинкарнаций многострадальной "фиты". Поэтому-то Федоры и Теодоры разбежались в разные стороны. Если же то или иное имя еще и было изначально исковеркано переводом с иврита на греческий, то тогда и появляются Матафиш/Маттатиш. В этом случае я предпочитаю использовать современное ивритское звучание, насколько его может передать общепринятая транскрипция израильско-русских текстов. Поэтому сын моего героя зовется Элияху, а не Элиягу, хотя все это субъективно и, будь я родом из под Днепра, то, возможно, выбрал бы второй вариант. Если же существует единое, общепринятое русское звучание (например – маккавеи) то я предпочитаю его. Кроме того, в топонимику и ономастику внесли свой, не всегда корректный вклад не только переводчики, но и многочисленные переписчики, иногда записывающие со слуха. А теперь представьте себе, что рассказчик шепеляв, а переписчик глуховат, что, по-видимому, неоднократно случалось. Тут уже приходится идти на компромисс, слегка исправив общепринятое искажение, так чтоб оно хотя бы напоминало об истинном звучании. Поэтому в моей книге битва с сирийцами случается не под Эмаусом, но и не под Хаммамом, а под Эммаумом. В общем: ругайте, негодуйте, но – читайте.

Пролог

Сегодня утром на Город упал снег. Наверное, он пытался засыпать Ерушалаим, но куда ему – силенок не хватило. Далеко, далеко, на севере Италии, на приальпийских равнинах, снег порой покрывает землю сплошным слоем. Если его много, а его там бывает очень много, то все: поля, лес, изгороди, сараи, становится белесым, теряет цвет и форму, расплывается, исчезает в снежной пелене. У нас же, на холмах вокруг Города, снег не может настолько завладеть миром, ему не дадут это сделать складки местности. Тогда он засыпет овраги, побелит плоские крыши, запорошит дороги, но с Городом не справится. Так и ляжет он белыми мазками, бессильный накрыть своей белизной наш славный город и только подчеркивая его несравненную магию.

В Городе меня ждали дела и следовало поторопиться. Моя любимая и дети еще спали и я, пожалев их сон, пожевал холодную как лед лепешку, взял заранее приготовленный сверток и осторожно вышел из дома, стараясь не скрипеть рассохшейся дверью, которую давно следовало починить. По случаю снегопада, я обулся в крестьянские башмаки, идею которых позаимствовал у германцев, наезжавших иногда в Рим. Римляне называли такие постолы "корбатин", так как это были всего лишь куски сыромятной кожи, обернутые вокруг ноги и стянутые над икрами ремешками от сандалий. У нас, в Иудее, такого не носят, но ведь и снег у нас бывает не каждый год. Сейчас мои "корбатыны" скрипели на снегу, пока я шел по тропе, огибая западный склон Храмовой горы. Сегодня мне нужно было попасть на самую южную оконечность Давидова Городища. Уже лет этак двести как центр города сместился на север, ближе к Храму, и новые стены Города оставили постройки давидовых времен за своими пределами. Ближе всего было спуститься вниз и пройти долиной Геенома. В любое другое время я так бы и сделал, невзирая на недобрую славу этого места. Хотя там уже сотни лет не горели жертвенники и не приносились сомнительные жертвы, люди по-прежнему обходили Гееном стороной. Лишь городская свалка медленно, но уверенно наползала на него. Мне же, ученику Хашмонеев, не следовало быть суеверным, и обычно я не гнушался короткой дорогой, хотя, в темное время, даже мне было там несколько неуютно. Но сегодня Гееном был завален снегом, так что я вынужден был спуститься в Давидово Городище от Мусорных ворот и мне предстояло пройти его с севера на юг и сверху вниз, плутая между слепых глинобитных стен.

Из всех муз, Клио – муза истории – самая вредная. Выражается это в том, что все вехи истории явно несут на себе следы сарказма и издевки своей божественной покровительницы. Возьмите вот, к примеру, Давидово Городище. Город, как известно, начался именно здесь. Несомненно, царь Давид рассудил разумно, выбрав именно это место, ведь сюда, в низину, было много легче провести примитивный водопровод тех дней. Это теперь римские технологии позволяют аккуратно использовать мельчайший уклон, но не так было при Давиде, когда никто даже толком не знал, что такое геометрия, вот и поселились внизу. Потом город потянулся вверх, к свету, и именно там Соломон, сын Давида, построил Храм, тем самым существенно подвинув центр Города. Потом, уже после вавилонского плена, различные правители пытались изменить и перестроить город, возводя стены то здесь, то там. При этом, Давидово Городище порой оказывалось за стенами города. При нашествии Антиоха Эпифана, это сыграло с иудеями злую шутку, столь типичную для злокозненной Клио. Именно там Антиох обнаружил старый египетский форт, восстановил и укрепил его и долго еще держал в страхе Город, периодически устраивая набеги на наиболее богатые районы, отдавая предпочтение Храму. Мне ли это не знать, ведь я тогда служил Эпифану. Как бы то ни было, но еще задолго до того как Маккаба с братьями взялись за мечи, все Давидово Городище превратилось в рассадник эллинизма. Кроме немногочисленных греко-сирийцев, здесь предпочитали селиться эллинствующие иудеи, сторонники про-сирийских первосвященников, да будет прокляты их греческие имена. Даже в наши дни Давид, да святится имя его, наверное переворачивается в могиле, когда

иерусалимцы презрительно именуют местных жителей "свиноедами", хотя теперь те такие же иудеи, как и обитатели холмов.

Снег продолжал падать при полном безветрии и мне было совсем не холодно в своем теплом плаще из козьей шерсти. Наверно поэтому я решил посидеть на бревне около Мусорных ворот. Я сидел лицом к ущелью и Давидово Городище раскинулось передо мной как на ладони со своими развалинами сирийской Хакры, посеребренными снегом плоскими крышами домов и полуразрушенными дворцами прежних первосвященников, которые уже некому было восстанавливать и в которых селились бездомные нищие. Повернувшись вполоборота, я мог видеть верхушки крыш Храма, черепицу на которых уже давно следовало обновить. Как всегда, когда мне выпадает минута покоя, а это, хвала Всевышнему, случается не слишком часто, я задумываюсь. Когда тебе перевалило на шестой десяток, то всегда найдется о чем подумать, не так ли? Иногда я спрашиваю себя: кто я? Зачем прожил эту долгую жизнь? И хотя умирать я еще не собираюсь, но за спиной я уже оставил много больше лет, чем надеюсь еще прожить. А ведь я не всегда жил в Иудее, хотя я живу здесь уже не один десяток лет и меня все считают иудеем, да я и сам так считаю. Но так далеко назад мне заглядывать не хотелось. Все это уже давно принадлежит истории, скоро и я буду ей принадлежать, а связываться раньше времени с Клио, зная ее непредсказуемый характер, мне совсем не хотелось. Поэтому я поспешно поднялся и направился вниз по склону. По случаю холодного утра, прохожих было мало, и я быстро дошел до южной окраины, бережно прижимая к себе свой длинный сверток, завернутый в холстину. Мой путь привел меня к неприметному дому в самом низу оврага, на котором заканчивалось Городище и начинались возделанные террасы, уже заваленные снегом. В дом вела некрашенная дверь, прямо на косяке которой были вырезаны слова Книги – обитатели дома слыли вольнодумцами и не признавали мезуз. Пройдя без стука через незапертую дверь, я пересек дворик и вошел в большую комнату, служившую обитателям дома и кухней и столовой. Очаг, хоть и горевший ярко по случаю холодов, все же не освещал краев довольно большого помещения.

– Мир вам – поприветствовал я темноту в дальнем углу.

– Мир и тебе – откликнулась темнота и на свет вышел Сефи, хозяин дома.

Неподготовленного человека его вид вполне способен был напугать. Первым делом в глаза бросались два шрама, пересекающих его лицо крест-накрест. Любой, побывавший на войне, сразу распознал бы в них следы от ударов мечом, или, что еще вероятнее, и что и на самом деле произошло, боевой секирой. Если бы секира было бронзовой, эти удары перерубили бы ему череп К счастью для Сефи, оружие было дешевым, железным и лишь изуродовало его. Говорят, что в сирийских землях научились делать клинки из витых полос стали и такое оружие бывает острее бронзового. Не знаю верно ли это, но в дни сражений Сефи прогресс еще не ушел так далеко и он остался жив, потеряв лишь левый глаз и приобретя устрашающие шрамы на лице. Я тоже там был и успел заметить как Сефи, уложив двух сирийцев, схватился с третьим, вращающим над головой огромную секиру. Что было дальше, я уже не видел, так как именно в этот момент получил по голове боевым топором и остался жив лишь благодаря легионерскому шлему, полученному в подарок от одного легата, да еще благодаря тому, что не совсем точно нанесенный удар скользнул по железу каски, вместо того, чтобы разрубить мне череп. Но и этого мне хватило, чтобы солнечный свет я увидел только на следующий день, а лицо Сефи – через месяц, после того как лекарь снял с него бинты.

– Мы ждали тебя вчера – укоризненно сказал Сефи.

– Не лезь к ученому человеку, чучело – донеслось из противоположного угла.

Оттуда появилась Дикла, жена Сефи, еще не старая миниатюрная женщина с гривой тяжелых медных волос. Ее яркие карие глаза смотрели насмешливо и немного вопрошающе. Но затем ее взгляд остановился на длинном свертке у меня под мышкой, и она едва заметно понимающе кивнула.

– Ты же знаешь, о муж мой – она улыбнулась Сефи – Что наш Натанэль чурается шумных сборищ.

– О, да! – воскликнул тот, тоже расплываясь в улыбке – Вчера тут было немного шумновато.

Улыбка странно смотрелась на изуродованном лице. И все же улыбка есть улыбка, и с нею суровое лицо Сефи заметно помягчело. Вчера, я полагаю, действительно было шумно, поскольку на исходе дня праздновали бар-оншин – совершеннолетие – Ариэля, старшего сына Диклы. Именно это привело меня сегодня утром в Давидово Городище и именно поэтому я принес длинный сверток, на который все время поглядывали хозяева дома. Они-то хорошо знали, что я держу под мышкой, но деликатно молчали.

– Ты ведь не откажешься от горячей похлебки в такой холодный день? – спросила меня Дикла – А Сефи пока что разбудит Ариэля.

Я, разумеется, не отказался и присел у очага с глиняной миской, предложенной мне Диклой. Похлебка была хороша, и не только благодаря кулинарным навыкам хозяйки, но и в силу недостатка в доме. Сефи служил сотником в Храмовой страже, и поэтому в моей миске, среди вареной репы и чечевицы, обнаруживались куски жирной баранины. Не успел я опорожнить миску, как из-за полога, ведущего в спальню показался Ариэль, худощавый, немного неуклюжий подросток того возраста, когда мальчик начинает становиться мужчиной. При виде меня у очага, его лицо повторило улыбку Диклы и я в очередной раз восхитился сходству матери и сына.

– Мир тебе, дядя Натанэль! – радостно воскликнул он.

Увидев Сефи в углу он так же радостно воскликнул:

– Утро доброе, папа Сефи.

Ариэль вырос в доме Сефи, видел его доброе изуродованное лицо с младенческого возраста и привык называть его отцом. Когда мальчик подрос, Сефи попросил называть себя по имени из уважения к настоящему отцу парня, но Ариэль наотрез отказался. Делать было нечего, и Сефи пришлось рассказать, кем был родной отец мальчика, лишь тогда тот согласился на компромисс. "Папа Сефи" пришлось по душе старому вояке, ну и так оно и повелось в его доме.

– Я ждал тебя вчера вечером – укоризненно сказал мне Ариэль.

– А я пришел сегодня – я улыбнулся – Не хочешь ли прогуляться по свежему снегу? В местах, где я родился, детишки зимой лепят снеговиков. Знаешь, что это такое?

Парень удивился безмерно, ведь я никогда не рассказывал ему о своем прошлом, избегая его детского любопытства. У меня была причина – тогда пришлось бы рассказать о его отце, а мальчик был еще не готов. Сефи, хоть и поведал ему, чей он сын, но в подробности не вдавался.

– Эти твои снеговики, они случаем не идолы? – озабоченно спросила Дикла.

– Ну что ты, это просто игрушки, вроде тряпичных кукол твоих девочек.

– Смотри у меня, а то знаю я вас, язычников – сказала она со смехом.

– Впрочем – это уже было сказано мной Ариэлю – Ты уже не ребенок. Со вчерашнего дня ты мужчина. Так что давай просто пройдемся, подышим морозцем.

– Тебе хорошо, у тебя теплые сапоги – возразила Дикла, показывая на мои "корбатыны".

Сефи молча вытащил из угла такие-же постолы и протянул их Ариэлю. Дикла только махнула на это рукой и отвернулась, всячески демонстрируя спиной свое несогласие. Ее сын, однако, схватил свою новую обувь с такой детской радостью, что я невольно подумал, не преждевременен ли мой визит. Но нет, вчера мальчик стал мужчиной, и не тебе, Натанэль, это оспаривать.

Тут в комнату со смехом вбежали две девочки-погодки, сестры Ариэля и дочери Сефи.

– Смотри, Ахува, наш большой братец теперь на нас смотрит свысока – пропищала одна.

– Ну что ты, сестренка, он на нас вообще не смотрит – вторила ей другая.

И они закружились вокруг брата, напевая неизвестную мне песню.

– Разумеется, детки – степенно сказал Сефи, пряча усмешку – Теперь его место с воинами и учеными.

Ариэль, примерявший новую обувь, лишь снисходительно улыбался, искоса поглядывая на суету вокруг себя, и ко мне в седую голову закралась крамольная мысль о том, что он и сам не прочь побесится вместе с ними. Но, конечно, он этого не сделал, помня о своем новом статусе.

Наконец, мы вышли из дому и направились вверх по переулку, причем длинный сверток я прихватил с собой. Теперь снег скрипел под двумя парами сапог.

– Скажи, Ариэль, что ты знаешь обо мне? – осторожно спросил я.

– Но ты же никогда ничего не рассказываешь, дядя – удивился он – Я только знаю, что ты воевал с папой Сефи и – тут он немного запнулся – ... и с отцом. Кажется еще со времен битвы в Бейт Хороне.

– Все верно – усмехнулся я – Вот только при Бейт Хороне я бился против твоих отцов.

Этого Ариэль явно не ожидал и даже подпрыгнул от неожиданности, но тут же, вспомнив, что он теперь мужчина, застеснялся своего порыва. Вопросы так и рвались с его уст, и, представляю, каких усилий стоило ему сдерживаться.

– Теперь ты мужчина – сказал я – И можешь выслушать мою историю. А моя история тесно связана с историей твоего отца, его братьев, твоей матери и всей нашей многострадальной страны. Так слушай... Родился я в далеком италийском Геркулануме, следовательно по рождению я самнит, а вовсе не иудей. О, как это было давно....

Понтифик

Публий Коминий Аврунк и прежде бывал в Помпеях, и не раз. Но одно дело плестись в пыли за двуколкой с отцом и братьями, а потом входить в город через плебейские Геркуланские Ворота, и совсем другое – сойти на парадный причал с консульской яхты в свите легата и в качестве инспектора храмов и общественных построек – представителя самого Верховного Понтифика. В братство понтификов Публий, однако, попал не сразу.

Древний род Коминиев, жил в Кампании с незапамятных времен. Сам же Публий происходил из семьи Аврунков, хоть и плебейской, но уважаемой и влиятельной в Геркулануме. Но ему не повезло, выпало родиться третьим сыном, поэтому военная карьера Публию не светила. И хотя под властью римлян офицеру самнитского происхождения было совсем непросто продвинуться в армии, одному из его старших братьев это удалось и сейчас он командовал центурией где-то в отвоеванной у пунов Иберии, если, конечно, был еще жив. Ну а самому Публию, хотя с оружием он управлялся не хуже своих старших братьев, ничего не оставалось, как пойти по ученой части. Таким образом он попал к жрецам Юпитера, а потом, позже, и в ученики к самому Понтифику Рима, которым в то время был Марк Эмилий Лепид. Какое-то время его карьера развивалась более чем успешно. И вот, после длительной учебы и нелегких экзаменов, он был, наконец, принят в братство понтификов и послан в Помпеи надзирать за инженерными работами. День был солнечным, зеваки на пристани с завистью поглядывали на блестящую свиту легата, хихикающие девушки, наверное – гетеры, улыбались Публию, и все, казалось бы, должно было радовать его сердце. Однако на сердце у Публия было беспокойно, а из головы не выходил недавний разговор с легатом.

Это произошло в самом конце недолгого морского пути, когда прозвучала резкая команда надсмотрщика, гребцы левого борта подняли весла, и галера легла на борт устремившись в проход между островом Прочида и предместьями Неаполиса. Легат, возлежащий на палубе, заметил стоявшего на корме Публия и поманил его к себе ленивым движением руки. Тот осторожно подошел, всем своим видом стараясь высказывать почтение, не переходящее, упаси Юпитер, в подобострастие. Легат с удобствами возлежал на походном ложе, а рядом с ним имелся кувшин с вином и блюдо с виноградом. Ни вина, ни фруктов он Публию не предложил, а лишь сразу завел с ним резкий, практичный и неприятный разговор.

– Я знал твоего покойного отца – говорил легат, уставившись на Публия немигающим взглядом – И поэтому желаю тебе добра. Но учти, возможности легата ограничены, ведь Кампания еще не полностью римская.

При этом легат хищно оскалился, давая понять, что рано или поздно она будет полностью римской.

– Кое-кто, хоть и признает главенство Рима, все еще обладает правами и привилегиями – проворчал он, поморщившись при слове "права".

Похоже, легат забыл, что его собеседник из самнитского, а не латинского рода. Но, взглянув в его холодные глаза, Публий понял, что все-то легат знает и все помнит.

– Так что помочь я тебе ничем не смогу – продолжал патриций – А вот совет дам. Ты, конечно, вольный гражданин, можешь им и пренебречь, но я бы посоветовал прислушаться.

Публий начал было заверять, что несомненно прислушается, но легат прервал его нетерпеливым движением руки.

– А совет мой таков: во-первых, будь осторожен.

Ну и совет, подумал Публий, прямо-таки гениальный. А без тебя я бы не догадался. Лицом он, однако, выразил благодарность и понимание, но обмануть легата ему не удалось.

– Напрасно пренебрегаешь – заметил тот – Боюсь, что тебе придется быть не просто осторожным, но предельно осторожным. И еще... Не всем тем, что ты обнаружишь, следует делиться. А кое-что, лучше бы и совсем не замечать.

Легат явно знал больше, чем говорил, и у Публия были к нему вопросы, но задавать их не имело смысла. Поэтому он лишь вежливо поблагодарил за науку и удалился на корму, благо галера уже обогнула длинный мол и теперь медленно приближалась к причалу. Настроение, однако, было бесповоротно испорчено.

Публий, хоть и был молод, наивным уже давно не был. В коллегии понтификов он изучал далеко не только геометрию, инженерное дело и использование того новомодного материала, который понтифики позаимствовали у греков и называли "опус цементум"¹. Изучил Публий и тайны мистерий, причем до такой степени, что по некоторым из них он уже мог выступать в качестве консультанта. Довелось ему также узнать кое-что из того, что кроется как за консультациями, так и за самими мистериями, и некоторые из рычагов власти из тайных стали для него явными. Вот только не ведал он, кто является главными теневыми игроками в Помпеях, и кого, а главное – почему, ему следует опасаться. И все же он был благодарен легату за предупреждение. Когда тот сходил на берег, то Публия не удостоил даже взглядом.

Один из магистратов, встречавших легата на причале, предложил Публию отвести его на постой. Пришлось пройти через весь город, и Публий успел отметить два новых храма, окаймляющих Форум, но постеснялся спросить, каких богов в них славят. Наконец, магистрат привел его в богатый двухэтажный дом и оставил в атриуме. Оказалось, что здание принадлежит двум семьям из рода Веттиев, богатых плебеев. Пожалуй именно благодаря своему плебейскому происхождению они обзавелись постояльцем, подумалось Публию. Тем не менее, он не заметил и тени недовольства на лицах гостеприимных хозяев. Напротив, его приняли с великим радушием и даже познакомили с женщинами дома, причем хорошенькая дочка одного из хозяев явно была не прочь пококетничать с молодым инженером. Хотя в Геркуланум еще не проникли свободные римские нравы и присутствие женщины на мужской половине иного могло и покоробить, Публий достаточно долго прожил в Риме и ничего не имел против молодых девушек. Вот только сейчас его более занимали предостережения легата, поэтому он вежливо извинился, сославшись на долгую дорогу, и отправился в отведенную ему комнату.

На следующий день утром Публий поспешил на Форум. Там его уже ждали один из магистратов и местный инженер, которого представили ему как Гая Теренция Тавра, причем инженер не преминул подчеркнуть, что он "не тот Гай Теренций", вероятно имея в виду Гая Теренция Варрона, виновника поражения при Каннах. Весь этот день и все последующие дни Публию было некогда вспоминать мрачные предостережения легата. С утра до вечера они с Гаем проводили в основном в подвалах, были ли то подвалы храмов, общественных бань или гладиаторских арен, исследуя качество кладки. Инженер оказался отличным парнем и они постепенно завели привычку завершать день кувшином вина в городском лупанарии, более приличном, чем портовый. В дом Веттиев Публий возвращался уже после погашения огней, и тем самым ему счастливо удавалось избежать внимания кокетливой Луции, дочери младшего Веттия и девушки на выданье, поглядывающей на него плотоядно. Храмы, бани и арены в Помпеях выглядели вполне прилично, серьезных нарушений молодой понтифик не обнаружил и постепенно неприятный разговор на яхте легата начал забываться. Наконец, все общественные постройки были проверены, после чего Публий наконец занялся счетами, которые магистраты хранили в храме Аполлона. И вот тут у него возникли вопросы...

Эти самые вопросы он и задал на следующий день инженеру Гаю. У них уже давно установились дружеские отношения, так как оба были из плебейских родов, оба инженеры, оба молодые. Правда, Гай иногда ревновал Публия к коллегии понтификов, в которой сам он не

¹ Бетон

состоял, получив образование при каком-то храме. Но молодость и доброжелательный характер помпеянина брали свое, и друзья ни разу не поссорились.

– Ты спрашиваешь, куда уходят такие количества “опус цементум”? – задумчиво переспросил Гай – Ты уверен, что хочешь это знать?

Публию немедленно вспомнился зловещий взгляд легата, его невнятные предостережения, и у молодого понтифика неприятно засосало под ложечкой. Но отступить не хотелось, и он твердо попросил объяснений.

– Пойдем – сказал Гай вставая – Все сам увидишь. Только переоденься по дорожному и приходи к Везувийским воротам.

К воротам Публий пришел в дорожной тунике и старых сандалиях. На голову он пристроил войлочную шляпу, и ждавший его Гай, одобрительно кивнув при виде его одежды, повел Публия за стены города, на север. Путь занял у них часа полтора. Пшеничные поля сменялись виноградниками и фруктовыми садами, изредка мелькали черепичные крыши поместьев и соломенные – домов свободных земледельцев. Наконец, дорога привела инженеров к подножью Везувия и превратилась в узкую тропу, наподобие козьей. Теперь Гай повел понтифика вверх по склону и вскоре привел к зарослям кустарника. Отодвинув ветки, он показал Публию вход в пещеру и предложил следовать за ним под землю.

– К Вулкану в гости, что-ли? – проворчал тот, не подозревая, насколько недалеко он был от истины.

Факелами они не запаслись, но, пещера оказалась неглубокой, и, когда вскоре инженеры уперлись в вертикальную стену, света было еще достаточно, чтобы Публий с изумлением убедился в ее искусственном происхождении. Так вот куда ушли неучтенные запасы “опус цементум”, подумал он. Это было удивительно! В Риме новый материал использовали осторожно, в основном для скрепления кирпичной кладки и мелких конструкций. Лишь некоторые в братстве понтификов ненавязчиво осмеливались заговаривать о серьезном строительстве из “опус цементум”. А тут, на тебе – целая стена, да еще и совсем немаленькая. Но для чего она здесь? Он коснулся стены рукой и тут-же испуганно ее отдернул. Стена мелко дрожала.

– Что там, за стеной? – воскликнул понтифик.

– Царство Вулкана – отозвался Гай.

Сначала Публий решил было, что он шутит, но инженер был серьезен, как авгур во время гадания. И тут понтифик вспомнил рассказы покойной матери о Везувии.

– Там, сынок – говаривала она – находится вход в подземное царство. Когда Вулкан варит себе похлебку, из горы идет дым. Ах, какая беда будет, если он однажды заснет и его похлебка выкипит. Никому тогда мало не покажется.

Отец, слушая ее рассказы, только посмеивался, но сейчас Публий вспомнил, что смеялись лишь его губы, а глаза отца смотрели серьезно.

Понтифик приложил ухо к стене и услышал недалекий, глухой гул. Гул то усиливался, то почти пропадал. При более внимательном осмотре Публий увидел следы ремонта, более светлые заплатки из того же “опус цементум”. Стену не только построили, но и поддерживали в хорошем состоянии. Да, она впечатляла.

– Рассказывай – потребовал он, когда инженеры выбрались из пещеры обратно на тропу – Что там, за стеной? Ты видел это?

– Видел – хмуро отозвался Гай.

Он молча распахнул свою тунику и показал большую, плохо заживающую язву на животе.

– За этой стеной жидкий огонь – тихо сказал помпеянин – Греки называют его “магма”.

И вот что случается, когда всего одна его капля попадает на кожу.

– А стена...? – начал было Публий.

– А стена нужна, чтобы не пострадали посеиы и сады в долине. Вот и построили стену. Ну а пока строили, двое рабов сгорели живо и еще десяток остались калеками.

– Хорошо, но почему этой стены нет в отчетах?

– Ты еще не понял? – мрачно спросил Гай, отвернувшись.

Все уже понял понтифик Публий Коминий Аврунк, все он давно понял, вот только не хотел признаться самому себе. Давным давно, у его матери в хозяйстве был необычный котелок, с хитрым малозаметным носиком сбоку. Когда похлебка кипела, пар выходил через этот носик и маленький Публий любил подержать кусочек хлеба под этим паром. Тогда хлеб становился жирным и вкусным. Однажды братья подговорили его заткнуть носик котла хлебным мякишем, и он сдуру послушался. Ну а потом, когда у котелка слетела крышка и мать сильно обожглась горячим паром, им всем изрядно досталось от отца. А теперь перед ним был огромный котел, и у этого огромного котла под названием Везувий кто-то заткнул “носик” стеной из “опус цементум”. Огненному пару больше некуда деться, рано или поздно крышка слетит, и горячее варево польется вниз по склону на Помпеи и Геркуланум.

– Кому принадлежат эти земли? – хрипло спросил Публий, неопределенно поведя рукой.

Но Гай его понял:

– Большую часть земель вокруг Везувия скупил Марк Лукреций, самый богатый из наших патрициев. У него не только самый красивый дом в Помпеях, но и десятки поместий отсюда до самой Капуи. Однако, земля вокруг Везувия самая плодородная...

– И он не хочет, чтобы магма выжгла его поля – закончил понтифик.

Они долго молчали лишь смотрели вниз на зеленеющие поля и виноградники. Говорить не хотелось. Теперь ясно, подумал Публий, на что намекал легат.

– Насколько влиятелен этот Лукреций? – спросил он Гая.

– Даже не знаю... – промямлил тот – Как бы тебе попроще объяснить... Ну скажем так: если он захочет от тебя избавиться, то стоит ему только моргнуть, и желающие воткнуть в тебя нож будут стоять в очереди в его триклинии.

– А в Риме? – спросил Публий.

– И в Риме... – прошептал инженер не поднимая головы.

– Зачем же ты мне это показал? – удивился понтифик.

– Да для того, чтобы ты не стал задавать ненужных вопросов кому не надо. А вообще-то меня об этом попросили.

Легат, догадался Публий. Все-таки старый, прожженный политик не ограничился одними советами.

На обратном пути в Рим, Публий проторчал на корме всю дорогу, надеясь на разговор с легатом, но тот, казалось бы, не замечал молодого понтифика. Если по прибытию в Помпеи на сердце у Публия было беспокойно, то что же сказать о его теперешнем состоянии. Как раз перед самым его отъездом, храм Аполлона посетил Марк Лукреций, крепкий подтянутый мужчина лет пятидесяти. Патриций собирался стать магистратом и, если верить его словам, начал приглядываться к делу. На самом деле, как понял Публий, он пришел посмотреть на него, Публия Коминия. и разузнать, что известно молодому инспектору. Немигающие маленькие глазенки Лукреция внушали Публию такой ужас, что в тот момент он желал только одного – исчезнуть из Помпей как можно быстрее. Наверное именно поэтому ему удачно удалось изобразить простака и успокоить ужасного патриция. Теперь же, когда Помпеи и Лукреций остались за далеко за кормой галеры, можно было собраться с мыслями. Он решительно не понимал, как ему следует поступить. Казалось бы судьба Помпей, где осталось приветливые Веттии, кокетливая Луция и веселый, добрый Гай, была ему совсем не безразлична. Что же сказать о Геркулануме, его родном городе, где до сих пор жили друзья детства и его первая любовь, имя которой он, впрочем, затруднялся припомнить. Совесть и честь требовали одного, недавно поселившийся в его душе мерзкий ужас – совсем иного, а разум предательски молчал. Такие терзания не оставляли Публия почти до самого конца путешествия. Все же, когда галера приблизилась к Остии, легат снова подозвал его. На этот раз он предложил ему вина из своего кувшина.

– Хорошо ли вино? – спросил он.

Вино действительно было неплохим и понтифик искренне поблагодарил его.

– Это фалернское – сказал легат – Неплохое и благородное, хотя и не из самых изысканных. Знаешь, сколько стоит кувшин такого вина?

Публий не знал, в чем и признался.

– Кувшин фалернского стоит примерно половину того, что возьмет наемный убийца с Авентина за удар кинжалом – легат пристально посмотрел на него и продолжил – Так что твоя жизнь обойдется в два таких кувшина. Не так плохо, ведь многих оценили еще дешевле.

Юпитер-вседержитель, каких только глубин не было в темных, непроницаемых глазах легата!

– Так что же ты решил? – спросил он.

Еще мгновение назад Публий был в растерянности, но сейчас единственно верное решение пришло само. Наверное этому способствовал и цинизм легата. Два кувшина фалернского, подумал понтифик. Ну что-ж, не так уж плохо! Наверное проницательный легат прочел что-то в его глазах, потому что отвел свои и пробормотал:

– Ну, как знаешь, ты у нас свободный гражданин. До Верховного Понтифика тебе, пожалуй, дадут дойти. А там... – и великое сомнение прозвучало в его голосе.

Всю дорогу от Остии до Рима и потом вверх на Палатин, Публий многократно оглядывался, опасаясь профессионального удара шилом в печень, который в Риме могли нанести и среди бела дня. Но обошлось, и до Регии, в которой находилась коллегия понтификов, Публий добрался благополучно и так же беспрепятственно попал к Марку Эмилию. Тот выслушал молодого инженера внимательно и даже поблагодарил за профессионально выполненную инспекцию, однако этот разговор разбудил у Публия смутные подозрения. Наверное, помогли изучения мистерий и церемоний, которые научили его внимательнее присматриваться к людям. Да, Верховный Понтифик был весьма благодушно настроен, но за его благожелательностью едва заметно сквозило нечто иное, почти неосознанное, но все же заметное наметанному взгляду. Но что же? И тут Публий с ужасом понял, что именно это было! Скука! Да, верховному жрецу было скучно, очевидно потому, что он давно все знал. Какая же хитрая игра тут велась? И кто он, Публий Коминий, в этой игре? Неужели лишь разменная монета? Но куда было неопытному юнцу против прожженных интриганов. Что-то явно отразилось на его лице, Верховный это заметил и немедленно, с доброй улыбкой, отослал его прочь, заверив в том, что теперь его карьера обеспечена. Разумеется, Публий ему не поверил.

Тем временем на Рим навалился вечер. Стемнело. Город был опасен и без наемных убийц Лукреция, поэтому Публий шел к себе на Кверкветуланский холм с великой опаской, сжимая в руке небольшую дубинку. Свое незамысловатое оружие он купил на Форуме сразу после посещения Регии. Хорошо отполированная поверхность наводила на мысль о том, что ей уже приходилось бывать в действии. И все же, как не был он осторожен, как внимательно не вглядывался в темные углы, нападение произошло неожиданно. Нападавших было двое и были они профессионалы. Лезвие ножа может сверкнуть в неверном свете луны или фонаря и предупредить жертву, поэтому они были вооружены лишь железными штырями. Такая палка может показаться неуклюжим оружием, но в умелых руках действует безотказно. И первым делом, штырь одного из нападающих выбил из рук Публия дубинку. В это же время второй убийца ткнул его своим оружием под дых, да так, что инженер согнулся в тщетной попытке вздохнуть. Оба убийцы немедленно размахнулись чтобы разموжить так удобно подставленную им голову Публия, но не успели. Что именно произошло, он не успел заметить, так как в это время судорожно заглатывал воздух, выбитый из него железным стержнем. Когда же он смог разогнуться, то увидел своих несостоявшихся убийц, лежащих в луже крови. Немногочисленные прохожие исчезли с началом схватки, и теперь в переулке, кроме двух трупов и Публия, казалось бы, никого не было. Но когда он, еще тяжело дыша после схватки, медленно

двинулся вверх по склону, из тени вышел человек в хламиде с капюшоном. На резкое движение Публия и замах дубинки, он ответил успокаивающим жестом и словами “следуй за мной”, повернулся и неспешно направился в ближайший переулочек, не удосужившись удостовериться, что спасенный им инженер идет за ним. Поколебавшись мгновение, Публий двинулся следом. Идти далеко не пришлось. За первым же поворотом, таинственный проводник остановился и, с поклоном, предложил Публию войти в низкую дверь. Сам же незнакомец исчез во тьме переулочка, как будто его и не было. Публий открыл скрипучую дверь и вошел в дом, наклонив голову и уже догадываясь, кого там увидит. Светильники не горели. Но восходящая полная луна подсветила невозмутимое, как всегда, лицо сидящего в кресле.

– Рад лицезреть тебя живым, юноша – приветствовал его легат.

– Не уверен, что я столь же рад – хмуро ответил Публий.

– Ничего не хочешь спросить? – поинтересовался его собеседник, не утаив иронии – Теперь можно.

– Хочу – твердо заявил понтифик – Хотелось бы понять, чего вы добивались, натравливая меня на Лукреция и чего добились?

– Перво-наперво тебе следует определиться с понятием “вы”.

– И кто же это?

– Рим!

Это, обычно такое мягкое слово прозвучало сейчас резко, как удар бича. Видя замешательство юноши, легат усмехнулся и продолжил:

– Забудь, что ты самнит, молодой Аврунк. Ты сейчас римский гражданин, и величие Рима для тебя не пустой звук. По-крайней мере так должно быть. Власть Республики не должна подвергаться сомнению! Никогда! Там, куда одинажды ступила нога латинянина, всегда будет Рим! Навечно! А все эти кавдины, гирпины, карацены и прочие полузабытые народы, могут забыть про свою независимость. Ну, а если кто-то из их патрициев еще помнит Гавия Понтия, то мы примем соответствующие меры, чтобы им было не до того. Пусть заботятся о своих посевах, и даже не грезят о своих легионах!

Теперь легат снова был величествен и грозен, он почти выкрикивал свои торжественные слова. Внезапно, Публий почувствовал позывы тошноты и ему не удалось удержать содержимое желудка.

– Интересная у тебя реакция на мою пламенную речь – саркастически заметил легат, но чуткому уху Публия на секунду почудилась горечь в его словах.

– Итак, у нас теперь всюду будет Рим. Я, конечно, гражданин Республики – саркастически заметил немного оправившийся понтифик – Но что же будет с другими народами? С племенами Самнитской Федерации, например?

– Они исчезнут – спокойно сказал легат, и, посмотрев на помертвевшее лицо Публия, спросил – Как твое имя, юноша?

– А твое? – вызывающе воскликнул понтифик.

– Меня зовут Луций Перперна – голос легата был ужасающе бесстрастен – Так все же?

– Ты же знаешь, кто я.

– Знаю. Публий Коминий Аврунк. Из семьи Аврунков и рода Коминиев. Это ведь латинские имена, не находишь? Твоего отца, помнится, звали Марк, следовательно твои братья должны быть Гай и Луций. Знакомый римский обычай не допускать разнообразия в именах, не правда ли? Около очага у вас стояли два пената, а в углу был алтарь для ларов. Я все верно сказал?

Мерзкий Перперна говорил правду. Но признать это Публий отказывался.

– Ну и что? – беспомощно пробормотал он.

– А то, что вы уже давно латиняне, только не хотите это признать. А латинянами вы стали потому, что римляне сильнее. Погоди, не вскидывайся так. Я даже допускаю, что ору-

жием самниты владеют лучше. Но что с того? Пусть даже разобьют они римлян в еще одном Кавдинском ущелье. Пусть мы опять пройдем под игом, но потом вернемся и возьмем свое. Знаешь, в чем наша истинная сила?

Он сделал внушительную паузу, но молодой инженер угрюмо молчал, и Перперна продолжил:

– Нет, это вовсе не религия. Наши боги ничем не лучше ваших, да теперь уже и не отличаются. Зато наши традиции крепче, наши обычаи сложнее, наши жизни более упорядочены и наша экономика крепче. А все это вместе – будет наш, римский, образ жизни, единственно правильный и жизнеспособный. И многие народы его уже приняли, а остальные примут, никуда не денутся! Когда-нибудь, через много лет уже никто не будет помнить, что Коминии были самнитами, а Перперны – этрусками. И те и другие будут просто римскими именами. В конце концов весь мир станет латинским! Так будет!

– Так может и будет какое-то время – вскричал Публий – Но потом придет другой народ, с еще более крепким и привлекательным образом жизни, и все эти Лукреции, Антонии, Сервилии и Рутилии снова поменяют национальность.

– Не думаю, что такое возможно – рассудительно произнес легат – Несомненно, наш образ жизни – единственно верный. Но если что-то подобное и произойдет, то что же – такова судьба.

На это, по правде сказать, Публию было нечего возразить. К тому же, его снова начало мутить, и он поспешил сменить тему.

– Итак, Лукреция вы приручили и теперь будете держать на коротком поводке – констатировал понтифик – А как же с городами? Что будет с Помпеей и Геркуланумом?

– Кто мы, чтобы идти против воли богов? – насмешливо спросил легат.

– Значит жизнями сотен людей можно пожертвовать во имя великой цели, во имя величия Рима?

– И не только сотен, но и тысяч.

– А ведь в Помпеях живет немало латинян...

– Ну и что? – Перперна пожал плечами – Забудь ты про города, все равно ничего изменить не сможешь. Лучше бы поинтересовался своим будущим.

С удивлением и брезгливостью Публий осознал, что свое будущее действительно волнует его больше, чем судьба самнитских городов.

– Как ты понимаешь, юноша – начал сидящий в кресле – Ты теперь мешаешь всем: и Лукрецию, и Верховному Понтифику, и всей Республике. Боюсь, что тебе придется бежать.

– Бежать? Куда?

– Как можно дальше! Туда, куда пока не достает рука Рима.

Легат протянул Публию увесистый мешочек и связку небольших свитков.

– Возьми немного денег на дорогу и рекомендательные письма. Последние используй с умом. Никто не сможет тебе гарантировать, что те, кому ты их вручишь, не успели уже получить письмо из Сената с совсем другими рекомендациями.

Публий с горечью принял дары, но не удержался и саркастически заметил:

– Воистину, Луций Перперна, ты был верным другом моему отцу.

Лицо его собеседника исказилось неясной гримасой, но он промолчал. И лишь когда Публий повернулся было, чтобы покинуть навсегда и этот подозрительный дом и весь негостеприимный Рим, Перперна поднялся с кресла и достал еще что-то из наплечной сумки.

– Я действительно знал твоего отца, и это именно он, в сражении под Каннами, оттащил меня, бесчувственного, с пути по которому бежали слоны Ганнибала, сметая все на своем пути. Поэтому, хотя я и действовал во имя великой цели, моя вина велика, загладить ее невозможно, можно лишь немного уменьшить.

С этими словами легат протянул ему старый легионерский шлем.

– Этот шлем я пронес через все пунические войны, так пусть теперь он послужит тебе. Прими его, как мой искупительный дар – он криво усмехнулся – Это, конечно, безделица, которая не спасет тебя от предательского удара кинжалом, но зато дается от чистого сердца.

Поколебавшись мгновение, Публий неохотно принял шлем, не догадываясь, что однажды тот спасет ему жизнь. Но это случится через много, много лет в далекой стране, про которую он пока еще даже и не слышал.

Беглец

Через два года после своего исчезновения из Рима, Публий Коминий Аврунк с изрядной горечью, но и с некоторой долей гордости, считал себя профессиональным беглецом. Что главное для беглеца, думал он иногда? Наверное – нигде не задерживаться надолго. Ведь стоит только остановиться, завести дом, хозяйство, друзей, жену (храни Юнона от такой напасти), и ты сразу становишься беззащитным. Дом и жена (а то и дети) крепко-накрепко привяжут тебя к какому-нибудь городу или поселку, ну а там тебя без труда найдет умелец с железным штырем или шилом. Потом найдут твой хладный труп с раной, соответственно, в голове или в печени, а убийца получит свои два кувшина фалернского.

Рекомендательные письма, врученные ему в подозрительном доме на Кверкветулане, Публий, поначалу, использовал весьма осторожно. Помня предостережения Перперны, он долго и основательно наводил справки, прежде чем явится перед очи того или иного правителя. А являться приходилось, так как денарии и сестерции из заветного мешочка имели тенденцию заканчиваться. И тогда приходилось наниматься архитектором, строителем мостов или консультантом по ритуалам. Впрочем, последнее требовалось все меньше и меньше по мере продвижения на восток, к границам Республики, на которых влияние римских обычаев ослаблялось и размывалось, а варварские обычаи преобладали. Публий помнил мерзопакостные наставления легата, но, похоже, тот не учел, что с размыванием географических границ, размывается и нравственность. Бариум, Корфу, Эдесса и прочие римские, а затем македонские и греческие города отмечали вехи на пути его бегства на восток. Более крупных городов он избегал, опасаясь неофитского рвения местных правителей в совсем недавно покоренной Македонии. Публию повезло, и его ни разу не продали в рабство, хотя две таких попытки случились, но первый раз инженеру удалось отбиться, а второй раз – убежать. Рекомендации делали свое дело, и порой ему удавалось отдохнуть на одном месте по нескольку месяцев, перезимовать в теплом доме. Постепенно, он начал думать, что Республика про него забыла. Но расслабился он напрасно...

Деметриада считалась городом, но ее быстрая слава давно прошла и теперь, после высадки и разгрома под Фермопилами отчаянного десанта Антиоха Великого, город больше напоминал деревню, с козами, жующими травку на немощенных, заваленных навозом улицах. Здесь, на окраине Республики, говорили по-гречески, еще со времен Александра Великого перейдя с разнообразных диалектов на единый язык Эллады – койне. Публий и раньше неплохо изъяснялся на этом языке, который частенько звучал в его родном Геркулануме, а уж в соседнем Неаполисе был слышен на каждом углу. Теперь же, после года скитаний по римской Элладе, его койне достиг совершенства. Может поэтому, а может и в силу стечения обстоятельств, в Деметриаде ему даже не понадобились рекомендации. Дело в том, что как раз в это время, местный правитель, в силу каких-то соглашений с Римом именовавшийся "царем", получил из метрополии указание привести в порядок дороги и мосты. Как понял Публий, Республика подтягивала силы к восточным границам, то ли готовя вторжение, то ли для демонстрации силы. Как бы то ни было, но от дорог и мостов теперь требовалось выдерживать не только груженные повозки легионерских обозов, но и тяжелые карробаллисты, катапульты и стрелометы. Магистратура провинции расщедрилась даже на довольно значительные средства в виде золотых денариев, уже привезенных в Деметриаду под охраной. Для выполнения таких сложных работ правителю понадобился инженер, своего у него не было, выписывать специалиста из Афин было и дорого и долго, поэтому инженером стал удачно подвернувшийся Публий. В дополнение к своим прямым обязанностям, бывший понтифик помогал правителю в совсем иных делах, негласно делия с ним одну из его наложниц. То ли правитель был уже слишком стар,

то ли Ларисса была ненасытна, но их связь возникла по инициативе прекрасной фракийки. И она же предупредила Публия о надвигающейся беде...

Возможно "царь" был уже стар для ложа, но из ума еще не выжил, хотя ум он имел явно извращенный. Поэтому, получив из канцелярии наместника ориентировку на Публия, он не заключил его под стражу, а задумал нечто более утонченное. Правитель был не только хитер, но и жаден, и решил присвоить казенные средства пользуясь опалой экс-понтифика. Но для этого надо было хотя бы начать работы и передать Публию часть, разумеется весьма малую, от привезенных денариев. После этого его можно будет обвинить в растрате, и вряд ли кто-нибудь будет прислушиваться к оправданиям разыскиваемого Республикой негодяя, ну а вовремя пресеченная попытка к бегству может оставить по себе удобно безмолвное тело. Весь этот хитроумный план он изложил доверенному рабу, а Ларисса, в свою очередь, подслушала и не утаила от своего любовника. Тогда Публий разработал свой план, несколько более успешный, чем царский. Получив первую и, как предполагалось, последнюю толику золота, он поцеловал зареванную Лариссу и немедленно поспешил в порт, где его ждала заранее зафрахтованная фелука. На этом он распрощался с подвластными Республике территориями и продолжил свой путь, а вернее – бег, на восток.

Годы бегства, а сколько именно, Публию вспоминать не хотелось, запомнились ему чередой царей, строительных площадок, временных жилищ, столь же временных женщин, и местных богов, имена которых не запоминались. На Родосе, куда доставила его фелука, инженеры и архитекторы не требовались. Потерпев поражение в недавней войне и потеряв все свои территории на материке, остров постепенно приходил в упадок, а упавший во время давнего землетрясения знаменитый Колосс так и лежал поверженный и бесполезный, уже давно заросший патиной. Поэтому Публий охотно откликнулся на предложение египетского посланника и нанялся городским архитектором Александрии Египетской. Поначалу, еще сохранив остатки наивности, он строил грандиозные планы создания шедевров архитектуры в богатом и культурном городе. Однако, прибыв на место, Публий обнаружил, что со времен Сострата Книдского в Александрии не строят ничего, кроме типовых дворцов знати и армейских казарм.

Египет произвел на него странное впечатление. Рутинная работа на Птолемеях не слишком утомляла инженера и оставляла достаточно времени для раздумий. При этом он не раз вспоминал пламенные речи Перперны о поглощение одних народов другими. Хотя легат имел ввиду исключительно латинян, Публию хватило ума сообразить, что не одни только римляне подавляют и поглощают другие народы. Но здесь, в Эйгюптосе, как называли эту страну пришельцы, подавления не произошло, здесь столкнулись две одинаково сильные и такие разные культуры. Итак, пришельцы из далекой Эллады принесли свой радостный, немного беззаботный образ жизни. И действительно, о чем заботится, если все равно все решает воля богов? Можно жить и радоваться жизни, оставив более серьезные заботы многочисленным богам и немногочисленным философам, которые и в богов-то не верят. А после смерти, если, конечно, найдется чем заплатить Харону, будешь вечно бродить в Аиде бесплотной тенью, не знающей ни боли, ни страданий. Египтяне же жили в своей черной стране, которую называли Та-Кемт, лишь с одной целью – подготовить себя к смерти, после которой только и начнется истинное существование. Если жители Та-Кемт были куколками, то эллины – яркими бабочками. Настолько различны были эти культуры, что столкнувшись, не смешались, а образовали слои, подобно несмешивающимся жидкостям, которые демонстрировали жрецы будущим понтификам в Регию. Выражалось это буквально во всем, и в одеждах и в культе богов и, особенно, в архитектуре. Удивительно было видеть как массивные, странных пропорций египетские дворцы и храмы, соседствовали в Александрии с изящными, стройными и совершенно отрешенными от людей колоннами эллинских построек, а над всем этим возвышалась огромная башня маяка. И все же взаимопроникновение культур происходило, но происходило

весьма медленно, принимая при этом такие причудливые формы, что Публий порой лишь диву давался.

Вскоре Птолемии отказались от услуг городского архитектора, однако, без дела он не остался. В канцелярии ему предложили организовать строительство боевых машин, а потом и сопровождать их к Мемфису, для отражения вторжения селевкидов. К счастью воевать ему не пришлось, так как армию Антиоха остановили не боевые машины и не армия Птолемеев, а римские угрозы. Зато Публию довелось увидеть пирамиды Хафры и Хеопса, третье из герадотовых чудес света, после поверженного Колосса и александрийского маяка. Восхищенный инженер сел на песок, взял палочку и попробовал набросать примерную смету работ. Результаты поразили его: получалось, что строительство этих двух пирамид требовало ресурсов всего царства, не оставляя почти ничего на остальную инфраструктуру страны: дороги, общественные здания и армию. Впрочем, дорог в Египте тогда почти не было – передвигались в основном по Нилу. С ужасом думал он о том, что творилось в той, древней Та-Кемт, заточенной исключительно под строительство колоссальных гробниц. Количество рабов потребное для таких огромных работ тоже должно было быть невероятным, не говоря уж о надсмотрщиках и охране, не позволяющей рабам разбегаться. Впрочем, подумал он, пустыня охраняет эту страну получше всякой стражи и вряд ли кто осмелится пересечь ее даже в поисках свободы, не имея с собой запасов воды и фуража. Но вскоре он узнал историю, поколебавшую его уверенность.

Тем же вечером в небольшой харчевне на берегу Нила он обратил внимание на пожилого жреца, чей статус легко узнавался по обритой голове. Публию было скучно, старик чем-то привлек его внимание, и он молча поставил на его стол дорогое угощение – кувшинчик пальмового вина, приглашая к знакомству. Вино сделало свое дело, оказалось что новый знакомец был жрецом Птаха, недовольным буквально всем, но, в первую очередь, политикой Петубастиса, верховного жреца его бога. В чем именно провинился глава культа, старик не объяснял, но ругал его непрерывно. Прервав его ворчание, Публий поинтересовался процессом строительства пирамид.

– Это дело давнее – проворчал жрец – Теперь такого не строят, и слава могучему Ра, что не строят.

– Что так? – осторожно заметил Публий – Вроде бы внушительные сооружения, прекрасное место захоронения живого бога.

– Захоронение? – саркастически переспросил жрец – Скорее кенотаф – он употребил новомодное греческое слово – Никто не знает, где именно захоронен великий фараон Хуфу, похоже, это судьба наших живых богов.

Слова "живые боги" старик произнес настолько иронично, что Публий заподозрил в нем вольнодумца, а неясные намеки звучали загадочно. Но то, что вскоре рассказал захмелевший жрец, было еще удивительней.

– Знаешь ли ты, эллин... – старик принимал Публия за грека, да и разговор шел на этом языке – ... с каких пор у нас перестали строить пирамиды и начали обходиться скромными... – тут он ухмыльнулся, вероятно имея свое мнение о скромности – ... гробницами?

– Был, как ты возможно слышал, такой великий фараон – Рамзес – продолжил жрец, не ожидая ответа – Впрочем, они у нас все великие. Так вот, он тоже пытался построить себе пирамиду. Уж не знаю, превзошла бы она те пирамиды, что ты видел, но замысел был воистину хорош. Да вот только ничего у него не вышло.

– Почему? – спросил Публий, подливая вина.

– Потому что хибиру унесли сердце нашей страны – непонятно заявил старик – История это старая, юноша, к тому же хорошо и основательно забытая. Был тут у нас такой народ, называвшийся хибиру. Держали их за рабов и использовали при строительстве пирамид. Все было, вроде бы, хорошо, да только в один прекрасный день, все до одного хибиру снялись с места и ушли в пустыню.

– Как в пустыню?! – вскричал Публий – Они же наверняка там погибли!

– Мы тоже так думали, а вот Рамзес, великий разумеется, засомневался и решил проверить, ну а на всякий случай взял с собой все свои колесницы и половину армии... Больше ни его, ни колесниц не видели ни в Верхнем, ни в Нижнем царстве. Ну а недостроенную пирамиду кое-кто разобрал на кирпичи.

– Что же случилось с хибиру? – поддержал инженер удивительный рассказ.

– Кто знает? Да только слышал я о некоем народе, захватившем наш древний город Рушалимум, уже давно не египетский, и построившем там свое царство. Очень уж они похожи на наших хибиру.

– Ну а сердце страны, которое они унесли? Что это было? Какая-то святыня? Волшебный предмет? – недоумевал Публий.

– Какие же вы, латиняне, неисправимые прагматики – проницательный старик все же распознал в нем римлянина – У сердца страны нет ни вида, ни веса, ни формы. Впрочем, никто и не знает, что это, и, как и человеческое сердце, его не замечаешь, пока с ним все в порядке. Вот только после ухода хибиру, наша страна не живет, а лишь существует, как тень бывшего Кемта. Поэтому со времен Рамзеса завоеватели овладевают ей с такой легкостью.

– И давно это было? – спросил Публий.

– Давно – пробормотал жрец, заглядывая в опустевший кувшин – Никто уже и не помнит, когда это было.

– А как же ваши знаменитые записи на стенах?

– Нет никаких записей и не будет. В тот год, впервые в истории страны, верховные жрецы всех богов оставили свои свары и объединились в страхе перед тем, что произошло. Писцам было запрещено записывать историю ухода хибиру и исчезновения фараона. По версии жрецов, его божественная мумия и по сей день благополучно покоится в весьма скромной гробнице далеко в пустыне.

Старый жрец ушел, пошатываясь, а инженер все думал о таинственном народе, ушедшем в пустыню в поисках свободы.

Вернувшись из Мемфиса в Александрию, Публий оказался не у дел. Поэтому, когда к нему, уже проедавшему последние деньги и с нарастающим беспокойством наблюдавшему за усилением Рима в Египте, пришел посланник селевкидов и предложил работу, он раздумывал недолго. На восток, а потом и на север он шел вместе с возвращающейся сирийской армией. Войско двигалось тяжело, везя в обозе награбленное в Египте. Продвигались медленно, шли от оазиса к оазису, и здесь Публий впервые познакомился с пустыней. Пустыня и впечатляла и настораживала. Стадия за стадией тянулись унылые, безжизненные пески и молодой Аврунк еще раз вспомнил легендарных хибиру, пересекших эту пустыню без запасов воды и избегая охраняемых оазисов. Теперь история, рассказанная жрецом Птаха, казалась ему все более и более фантастичной. Наконец, пески закончились, армия сирийцев повернула на север и потянулись каменистые холмы, а потом и такие же бесплодные горы. Ущелье, в котором чередовались черные и красные скалы, по-прежнему бесплодные, вывело их к морю. Но это не было знакомое ему море эллинов и римлян, а совсем другое – Красное море, о котором он слышал от пунов, когда-то бороздивших его просторы. Через несколько недель пути вдоль берега море кончилось и снова началась пустыня, на этот раз – каменная. Зимнее солнце не раскаляло землю, а лишь слегка прогревало ее и по ночам было холодно, приходилось укутываться в теплый плащ. Однажды пошел дождь, причем такой сильный, какого Публий не помнил и в Кампании. Проводники забеспокоились, начали поторапливать войско, подгонять повозки, но не успели. Внезапно, непонятно откуда вынесло яростный поток воды, громадный вал, налетевший на сирийцев. Несколько повозок унесло потоком неизвестно куда, пропали и люди, но большинство спаслось, вовремя предупрежденные проводниками. Вода исчезла так же стремительно, как и появилась.

В пути Публий подружился с несколькими молодыми сирийцами, чему способствовал и его прекрасный греческий. Друзья нередко развлекались охотой, для которой ему выдали неплохого, легкого на ногу коня. Однажды ему даже пообещали охоту на льва, но зверь был осторожен и добыть его не удалось, несмотря на все старания проводников. Зато в пустынной местности в изобилии водились серны и антилопы, надо было лишь находить глубокие ущелья, на которые указывали проводники.

Прошло еще несколько недель и армия снова вышла к морю. На этот раз это было знакомое Публию море, которое он уже пересек от далекого Геркуланума до этих неведомых земель. Шли дожди и пустыня зацвела, покрылась анемонами и изменила цвет. Теперь она была красной от цветов, с белыми и сиреневыми вкраплениями, напоминая хаотично сотканный ковер. Постепенно появилась зелень и деревья, сначала акации, а потом и дубовые рощи. Кое-где мелькали возделанные поля и дома, там крестьяне прятались от войска, скрывая женщин в схраонах и рощах. Еще пару недель занял путь до порта в Аскалоне, где сирийцы погрузились на корабли и отправились морским путем в тетраполис Антиохии. Публия же Аполлоний, самарийский наместник царя Антиоха, задержал в Аскалоне, и предложил ему направиться в один из городов провинции для проведения инженерных работ. О каких работах идет речь, ему не сообщили, да он и не спрашивал.

Был ему выдан невзрачный конек и небольшой эскорт в виде трех всадников. Город, в который ему предстояло попасть, находился в горах, где-то на северо-востоке, если судить по солнцу. Спутники Публия называли его Хиеросалима², хотя, несмотря на название, не признавали за ним никакой святости. Название что-то смутно напоминало, и постепенно инженер заподозрил, что это и был город загадочных хибиру, упомянутый старым пьяницей из Мемфиса. Имущества за годы скитаний Публий не нажил, и во выючные сумки он погрузил лишь смену одежды да легионерский шлем, доставшийся ему от легата Перперны. Дорога шла сначала по равнине, пересекая дубовые рощи, заросли карата – рожкового дерева и диких кипарисов – здесь их не сажали вдоль дорог, как в Кампании. Впрочем, путь по которому следовал Публий со спутниками трудно было назвать дорогой. Это была, скорее, хорошо утоптанная тропа, по которой опытный возница мог провести и не слишком тяжело нагруженную повозку. Но в остальном местность была удивительно похожа на его родную Кампанию, а еще больше – на межгорные равнины Эллады. Попадались им и плодовые деревья, но дикие, с твердыми, несъедобными плодами. Миндаль уже отцвел, но плодов еще не дал, так что приходилось довольствоваться дорожной пищей – сухарями, вяленным мясом серн и наскоро приготовленной похлебкой из фасоли и проса.

Ближе к морю еще можно было увидеть обработанные поля, но дальше на восток началась совершенно дикая местность. На третий день тропа пошла вверх и начала виться среди заросших лесом склонов. Теперь кипарисы преобладали над дубами, появились и сосны, такие же разлапистые и кривые, как и в южной Италии. Здесь Публий впервые увидел кедр и восхитился спокойной мощью этого благородного дерева.

Потребовалось еще два дня неторопливого путешествия, чтобы они начали приближаться к своей цели. Теперь о близости города говорили небольшие деревни, поселки и хутора, окруженные возделанными террасами – в этих горах не было ровных полей. Подвешенные на склонах гор узкие полоски земли не годились для вспашки влекомым быками плугом, как это делалось в Кампании и Греции. Поэтому здесь преобладали фруктовые сады, виноградники и огороды. Наконец, впереди, на холме, показался и сам город. Издалека он не производил впечатления и казался хаотическим нагромождением домов с плоскими крышами, а привычных Публию черепичных крыш видно не было. Тропа расширилась и снова стала дорогой, которую перегораживал сирийский заслон из трех гоплитов. Инженера со спутниками они пропустили

² Хиерос (ἱερός) – святой (гр.)

без вопросов мельком взглянув на свиток с печатью, которым помахал командир их небольшой команды. Неподалеку дымили костры сирийских солдат, варили похлебку, а армейские пастухи пасли лошадей и двух боевых слонов. Публий знал, что слоны были явным нарушением подписанного отцом Антиоха Эпифана, тоже Антиохом, кабального Апамейского договора. То ли Антиох уже готов был бросить вызов Риму, то ли надеялся, что Сенат не узнает. Как бы то ни было, инженер решил на всяких случай представиться самнитом, а не латинянином.

Всадники последовали дальше, но в город не вошли, а начали огибать его справа по низине. На недоуменный вопрос Публия, один из сопровождающих его всадников сказал:

– Ты же не захочешь получить кривым ножом в печень или огромным камнем по башке. Именно это и произойдет, если мы поедем через город.

– Неужели местные вас так не любят? – удивился инженер.

– А за что им нас любить? – пожал плечами всадник.

Развивать свою мысль он не стал, а расспрашивать его Публий посчитал неразумным.

Они продолжали двигаться по оврагу, изредка объезжая заросшие колючками развалины непонятных сооружений. Город оставался по левую руку, возвышаясь над ними нагромождением навалившихся друг на друга домов. Отсюда, снизу это казалось хаосом, отсутствием какого-либо порядка и отрицанием уличной геометрии, столь свойственной греческим и римским городам. Овраг свернул влево, и Публий увидел другой город. Этот город не стоял на горе, как уже увиденная им Хиеросалима, а поднимался снизу, из оврага террасами строений. Когда кавалькада приблизилась к удивительному городу на склоне, стало заметно, что его дома заметно отличались от хаоса на горе и своими размерами и формой. Они были либо очень старые, либо очень новые, причем последние следовало, пожалуй, назвать дворцами. К тому же город на горе был огорожен стеной, не слишком высокой и не слишком могучей, но все же разделяющей два города. Над нижним городом нависала крепость, неоднократно перестроенная, что было заметно по чересполосице старой и новой кладки. До вершины холма и до верхнего города стены цитадели не доставали. Тропа пошла резко вверх, пересекая первые дома города на склоне и через несколько минут всадники уже въезжали в ворота крепости.

Навстречу им выскочил, именно выскочил, а не вышел, высокий воин в полном боевом облачении: кожаном фартуке с медными накладками, из под которого виднелась расшитая орнаментом туника, поножах и кавалерийских сандалиях с толстыми подошвами. Эти сандалии, так же как и длинный меч на широком поясе, выдавали в нем всадника, а фибулы хорошей работы, скрепляющие тунику – богатого всадника. В левой руке он держал беотийский шлем. Кавалерист вначале порывисто обнял спутников Публия, а потом подошел и к нему.

– Возрадуйся, латинянин! – воскликнул он – Мое имя – Никандр, Никандр из Эфеса, но служу я царю Антиоху.

– Я не римлянин, а самнит – поспешил поправить его Публий – из семьи Аврунков, рода Коминиев.

– Весьма рад этому – ухмыльнулся Никандр – Ты, должно быть, инженер?

– Верно – глядя на веселого Никандра, трудно было удержать улыбку – А еще я мостостроитель и архитектор из коллегии понтификов.

– Ух ты, как серьезно! – но что-то было непохоже, что Никандр может быть серьезным – А я-то думал, что инженерами латиняне называют стрелков боевых машин.

– Так было когда-то – пояснил Публий – теперь инженером считают тех, кто умеет строить.

Откровенно говоря, во время своих скитаний Публию так и не удалось возвести какой-либо шедевр архитектуры, поэтому он боялся следующего вопроса веселого кавалериста. И этот вопрос прозвучал:

– Ну и как, многое тебе удалось построить? – спросил Никандр.

Только было Публий открыл рот, чтобы дать уклончивый, но все же правдивый ответ, как выяснилось, что ответы его неугомонному собеседнику и не требовались, потому что тот продолжил со смехом:

– У нас-то тебе скорее придется вспомнить старое значение слова "инженер" и малость пострелять. Впрочем, есть здесь работа и для строителя – Никандр внезапно стал серьезнее – Надо будет укрепить стены нашей цитадели, а заодно и разрушить кое-какие другие стены.

При этих словах он неопределенно махнул рукой куда-то в сторону холма, но пояснять ничего не стал, а Публий слишком устал с дороги, чтобы интересоваться подробностями. Он сдал коня конюшим, и потащил свои нехитрые пожитки в казарму, где ему отвели угол, не подозревая, что пришел наконец конец его бегству.

Инженер

На следующее утро его разбудил все тот-же неугомонный Никандр.

– Вставай латинский самнит – закричал он в ухо инженеру – Пришло время строить и ломать!

Проглотив жесткую лепешку и горсть маслин, Публий вышел во двор вместе с эфесцем.

– Смотри – начал пояснения тот, обведя широким жестом двор крепости – Эти развалины впервые были возведены еще при египетских царях, этих, ну как их... Как-то они их странно называют...

– Фараоны... – подсказал инженер.

– Верно – кавалерист посмотрел на него с уважением – Но было это чертовски давно и одни только их боги знают какую-такую солому пополам с их египетским дерьмом они наметали в эти свои кирпичи. А нам теперь забота – следить как бы все это великолепие не упало нам же на головы.

– Понятно – хмуро сказал Публий, поковыряв пальцем кирпич стены.

Стены цитадели не впечатляли: не исключено, что строители фараона действительно использовали саманные блоки. Ну как объяснить сирийцам, что эти стены проще разрушить до основания и построить заново, чем ремонтировать? Даже его скромного опыта хватало для того, чтобы понять – такое предложение не придется по нраву никакому заказчику. И где взять материал для новых стен? Но тут Никандр пришел ему на помощь.

– А камень для стен можешь взять там – и он указал рукой вверх – Вот как раз те стены наверху, надо снести до основания. Повеление царя.

– Что за народ живет там? – осторожно поинтересовался Публий.

– Иудеи – и Никандр пренебрежительно махнул рукой – Станный они народ. Не поклоняются никаким богам.

– Как такое возможно? – удивился инженер – Совсем не приносят жертвы?

– Нет, жертвы-то они приносят, но непонятно кому, ни статуй ни атрибутов я на их жертвеннике не видел.

– Жертвеннике?

– Да, одном на всех. Представь себе – сотни тысяч иудеев, а жертвенник один.

– Так как же... ?

– А никак! – захохотал Никандр – Либо иди сюда, в Ерушалаим, либо надейся не на богов, а только на себя.

Последнее утверждение так его насмешило, что он просто согнулся от смеха.

– Ерушалаим? – не понял Публий.

– Так они называют эту свалку хибар наверху. Но, по правде сказать, храм у них впечатляет, хотя и у нас, в Антиохии, есть не хуже.

У заинтригованного инженера вопросы так и просились с языка, но в это время во дворце крепости послышался шум, началась суeta и из ворот появились какие-то богато одетые всадники.

– Жди здесь! – воскликнул Никандр – А я выясню, в чем дело.

Отсутствовал он довольно долго, но еще до его возвращения Публий услышал крики "базилевс!" и догадался, что крепость почтил своим присутствием сам Антиох IV Эпифан, потомок диадохов и эпигонов, царь сирийского государства Селевкидов. Вскоре появился и Никандр, несущий в руке пояс с мечом в ножнах.

– Возьми-ка этот ножичек – озабоченно пробормотал он, пренебрежительно бросая оружие к ногам Публия – Не обессудь, ничего лучше не нашлось. Думаю и даже надеюсь, что наверху сейчас будет потеха, недаром царь собрался в иудейский храм и потребовал усиленного

сопровождения. Так что меня требует служба, ну а тебе придется подождать нашего возвращения. Все-же, если надумаешь выйти за ворота крепости, советую опоясаться. Здесь, внизу довольно спокойно, но ты все же, будь осторожен.

Не успел ошеломленный инженер открыть рот, как сириец исчез в облаке пыли, постепенно заполняющей двор крепости. Сквозь пыль можно было разглядеть воинов, сбегающих из казарм и строящихся на плацу. Большинство были пешими гоплитами с самым разнообразным вооружением и в самых невероятных доспехах. На некоторых даже можно было увидеть старинные коринфские шлемы, но большинство носило или шлемы фракийские или примитивные пилосы. Свои огромные щиты, непривычной для Публия округлой формы, они крепили по-походному – за спиной. На поясе у гоплитов висели ксифосы, короткие мечи, напоминающие знакомые инженеру гладиусы, но более прямые. Но основным вооружением гоплитов было длинное копье с листообразным наконечником, похоже – бронзовым, а вот луков видно не было, наверное их оставили в казарме. Конных, одним из которых должен был быть Никандр, было совсем немного, а самого царя за суетой, пылью и строем пехоты Публий так и не разглядел. Наконец, крики смолкли, кто-то невидимый прокричал неразличимую на расстоянии команду и сирийцы покинули цитадель, оставив лишь нескольких воинов.

Подаренный Никандром меч действительно не производил впечатления. Довольно длинный, на пару унций длиннее легионерского гладиуса, в качестве лезвия он имел полосу грубого железа, несущего на себе следы многократных заточек. И все же это было серьезное оружие, поэтому Публий последовал совету Никандра и надел широкий пояс. Ножны меча поначалу мешали, били по бедру, но их быстро удалось пристроить впереди и слева. Свою экипировку Публий дополнил старым легионерским шлемом, даром Перперны, и вышел в город, кивнув на прощанье часовому на воротах. Наверное, он поспешил со своей вылазкой и разумнее было бы вначале осмотреться, порасспросить гарнизонных солдат. Но у него была уважительная причина – Публия мучала жажда. Вчера вечером его накормили хлебом и соленой рыбой, а сегодня утром он наелся маслин с тем-же хлебом и мучительно хотел пить. Однако вода в гарнизонной бочке не внушала ему доверия, винограда по случаю поздней зимы не было, таверна в маленькой крепости отсутствовала, и он рассудил, что кувшинчик вина в городе его не разорит. Поэтому, засунув за пояс пару оболлов из заветного мешочка, Публий отправился на поиски вина. Далеко идти ему не пришлось, трактир, а скорее – примитивная попина обнаружился сразу за воротами цитадели. Это было и не удивительно, ведь гарнизону надо было где-то тратить свое жалование. Найти питейное заведение оказалось делом несложным, так как над его входом, вместо общепринятого изображение амфоры, просто прибили половинку настоящей амфоры. Кроме того, греческая надпись на деревянной табличке над аркой, ведущие во двор заведения, гласила: *"Еда и лучшее вино от Доситеоса, сына Маноаха. С разрешения Базилевса"*. День был жаркий и Публий присел за один из двух столиков под подвязанной лозой, голой по случаю зимы. Кувшинчик вина на его столе появился как по волшебству, а вслед за ним возник мужчина в бурой дорожной хламиде и в новомодных сандалиях с изящными застежками вместо ремешков.

– Приветствую тебя в этом оберегаемом богами заведении – провозгласил незнакомец и спросил – из Рима?

Италийская привычка бриться уж не первый раз выдавала происхождение. Еще в Аскалоне, Публий, изрядно обросший после перехода с селевкидами через пустыню, нашел бродячего брадоброя и привел себя в порядок. Надо будет отпустить бороду, а заодно и усы, подумал он и пробормотал что-то невнятное, покосившись на незваного гостя.

– Тогда позволь угостить тебя нашим местным вином – продолжил тот – Я Агенор, сын Гедалии.

Похоже, что неожиданный гость не имел предубеждений против римлян, и Публий не стал поправлять его, а поскольку Агенор весь светился доброжелательством, то у Публия про-

сто не хватило мужества прогнать его. К тому-же одно из упомянутых имен было явно не греческого происхождения, и инженеру пришло в голову, что местный житель, а Агенор похоже был именно таким, может дать ему ценные сведения. Вино, хоть и местное, оказалось вполне приличным, к тому же хозяин клялся, что вода, которой он предложил уважаемым гостям разбавить вино, набрана этим утром в горных источниках и не повредит им.

Агенор оправдал ожидания инженера и оказался интересным собеседником. Оказывался, он служил помощником Менелая, Первосвященника иудейского. Кто такой Первосвященник, он не объяснил, а Публий постеснялся спросить, но было ясно, что это некто вроде Верховного Жреца, личность по крайней мере очень влиятельная, а возможно и правящая. Наконец-то стало ясно, как называется страна, в которой оказался бывший понтифик. Называлась она Иудеей, а границы ее были весьма неопределенны. Как бы то ни было, но сейчас ее границы пролегали примерно от Пустынного Моря на востоке до подножий гор и начала прибрежной возвышенности на западе. На юге с Иудеей граничила пустыня, а на севере – земли самаритян, еще одного неведомого народа, о котором Публий не стал расспрашивать, опасаясь запутаться еще больше. Народ, населявший Иудею так и назывался – иудеи, но жили эти иудеи и за пределами страны, причем не только в ближних, но и в дальних пределах.

Рассказывал Агенор охотно, но весьма сумбурно, чему весьма способствовал второй заказанный им кувшинчик. Лишь о Первосвященнике он отзывался весьма осторожно, пока дело не дошло до третьего кувшинчика, заказанного заинтересованным Публием. Этот третий кувшинчик был опустошен едва наполовину, когда Агенора окончательно развезло, он потерял всякую осторожность и начал вести весьма неосмотрительные, хотя и довольно бесвязные речи. Своего господина, Менелая он тут же, ехидно подхихикивая, назвал "прожженным интриганом", невнятно упомянув какого-то Онию, которого Менелай "ловко подставил". Покончив с Первосвященником, он принялся за царя, который по его мнению, "перегибал палку".

– Плавню надо действовать, осторожно – бормотал он – А наш базилевс привык к кавалерийским наскокам и выйдет ему это боком в один прекрасный день, уж поверь мне. Ты-то чужестранец и тебе не ведомо, а ведь многие еще помнят рассказы про Александра и его уважение к нашей вере. Неа, я вовсе не против вашего Зевса, он классный мужик и молнии мечет ловко. Но не столь быстро надо, постепенно. Мы ведь и так наполовину эллины, взять хоть наши имена. Вот, к примеру наш хозяин, почтенный Доситеос... Клянусь задницей Афродиты, что при рождении его называли Йонатан³.

Высказав все это, из чего Публий не понял и половины, его собеседник уронил голову в обморок и захрапел. Подошедший хозяин, укоризненно заметил:

– Опять нажрался! Таким разбавляй, не разбавляй, все едино. Ему лишь бы найти кого-нибудь, кто будет слушать его бредни. И как только его держат при Храме?

Продолжая убирать со стола, он заметил:

– Хотя, если по правде, он не вовсе дурак и кое-что из его речей не мешало бы услышать и нашим правителям. Думается мне, что ох как не к добру, подался базилевс в Храм, да еще и с таким серьезным эскортом. Как бы не было заварушки.

Доситеос получил свое два обола и, подхватив бесчувственного Агенора под мышки, поволок его куда-то вглубь помещения, ворча себе под нос:

– Имя мое тебе не понравилось, а сам то? Агенор хренов. Да и хозяин твой не лучше, Менелай он, видишь ли.

В это время наверху, в иудейском городе послышался нарастающий шум, превратившийся, постепенно, в непрерывный вой, подобный волчьему, воющий с то нарастающей, то

³ Греческое имя Доситеос является дословным переводом еврейского Йонатан.

немного затихающей силой. Там, наверху явно что-то происходило и Публий вопросительно посмотрел на трактирщика.

– Доигрались – пробормотал тот и начал лихорадочно запирать вход – Ушел бы ты отсюда, господин. И иди-ка ты лучше в крепость, только там сейчас будет безопасно.

Потом он как-то странно посмотрел на инженера и почти неслышно пробормотал:

– Ну, положим, Йонатан! А что толку?

С холма уже тянуло гарью и еще чем-то, что Публий предпочел не распознавать, оттуда вниз по улице бежали растерянные люди. Послушавшись совета испуганного трактирщика, он поспешил в цитадель, куда уже стекались одинокие сирийские воины вероятно, такие же как и он утренние гуляки. Вместе с ними в крепости пытались укрыться непонятные люди, похоже – местные иудеи, некоторые – с женами и детьми, но стражники их не пускали. Публию удалось беспрепятственно пройти в ворота – стражники его запомнили, наверное, благодаря его итальяскому виду. Может, не стоит отпускать бороду, засомневался инженер?

Царь Антиох так и не вернулся в цитадель. Никандр, которого Публий встретил вечером, объяснил ему, что правитель Сирии предпочел ночевать в охраняемом лагере за пределами города, наверное в том, рядом с которым паслись слоны.

– И правильно сделал – ухмыльнулся эфессец – В городе сейчас такое творится! Даже у нас, за стенами, не совсем безопасно.

– Да что случилось-то? – взмолился ничего не понимающий инженер.

– А ты не знаешь? – удивился Никандр – О, славные дела творились нынче в святом городе – тут он хихикнул – Наш великий базилевс, повелитель всего и всех, взял да и повелел принести жертву Зевсу на их иудейском алтаре. Предварительно мы там водрузили статую Громовержца, не слишком большую и не слишком красивую, так, лишь бы позлить местных. А на жертвенник положили догадайся какое жертвенное животное?

Публий отрицательно помотал головой, но сириец и не ждал ответа.

– Свинью! – объявил тот со смехом – Ты только подумай – свинью. Ох, и затейник же наш царь. Ты не представляешь, что тут началось! Похоже было, что мы славно разворошили этот муравейник. Варвары поперли было на нас, но наши гоплиты быстренько стали в позу и нанизали некоторых из них на копья. Это немного охладило их пыл, но, видно, недостаточно.

Тут он показал на троих гоплитов, которым перевязывали раны в углу двора. Еще один пехотинец лежал неподвижно на своем щите, не подавая признаков жизни.

– Принести в жертву Зевсу свинью! – продолжал восклицать Никандр, все время подхихкивая – Надо же было такое придумать! О, Вседержитель, не гневайся на нас! А что? На его месте я бы обиделся. Подумать только, сало вместо мяса! Думаю, что совсем иной дым попер сегодня на Олимп.

Свои вольнодумные речи он прервал неудержимым приступом смеха.

– А что не так со свиньей? – удивился Публий – Хотя и не припоминаю, чтобы в жертву приносили свиней. Как-то привычнее козел или ягненок...

– У них, у иудеев, свиней считают нечистыми и не едят. Хотя не пойму, что в них нечистого. Возьмешь, бывало, такого поросеночка на руки, и так прямо и хочется его расцеловать в розовый пяточок. А потом заметишь этот же пяточок на тарелке и поприветствуешь его как старого знакомого.

На этом месте Никандр опять зашелся смехом. Инженеру тоже следовало бы оценить юмор ситуации, но он посмотрел на неподвижное тело на щите, на серый дым стелящийся вниз с холма, и ему расхотелось смеяться.

Последующие дни были заняты работой. Правитель, натворив дел на холме, уехал обратно в Антиохию, предварительно отдав пару распоряжений. Эти распоряжения растолковал Публию наместник Аполлоний, прибывший в Ерушалаим из Аскалона. Инженеру следовало укрепить стены цитадели, которую сирийцы называли Хакрой, разрушив при этом стены

иудейского города. Именно "при этом", а не "для этого": сирийцы всерьез опасались восстания и не желали, чтобы у повстанцев были какие-либо укрепления.

– Будут жить без стен, как в старые времена на Крите – посмеивался Никандр – Только критяны защищало море, а этих пусть защитит их бог.

Задача оказалась не из легких. Стены на холме были возведены в незапамятные времена из того-же подозрительного материала, что и стены Хакры, и Публий уже не сомневался, что этим материалом послужили блоки из обожженной глины и соломы. Но навыки понтифика, знания эллинской науки геометрии и пригнанные с прибрежной равнины рабы делали свое дело – стены Хакры постепенно выпрямлялись и возвышались, а стены Ершалаима оседлали и исчезали, подобно кусочкам льда в кубке с вином в жаркий летний день. По вечерам Публий зачастил в заведение Доситеоса, как, впрочем, и большинство воинов гарнизона. Вода, подаваемая хозяином наверное и вправду была с гор, так как никаких проблем с желудком у него не возникало. Дело в том, что он пил совсем немного, лишь для того чтобы утолить жажду, старательно разбавляя вино. Еще во время учебы в Риме, Публий, по настоянию жрецов, сходил на пару оргий, и это, как жрецы и рассчитывали, на всю жизнь отвратило молодого понтифика от неумеренного поглощения вина и беспорядочного секса. Зато он оценил тушеные бобы с кашей в маринованных виноградных листьях и бараньи ребрышки, подаваемые Доситеосом самым уважаемым гостям. Несколько раз он видел Агенора, но тот был или слишком пьян, или быстро исчезал, бросив на инженера испуганный взгляд.

– Что он тебе наговорил, латинянин? – удивлялся трактирщик – Бежит от тебя так, как будто демона увидел.

Лишь однажды Публий застал слугу Первосвященника в промежуточном состоянии между осторожностью и пьяным забытием. Перед Агенором на столе стоял всего один пустой кувшинчик, а второй он сейчас старательно пытался опорожнить. На инженера он поглядывал с подозрением, но все же дал волю языку.

– Я же говорил, не стоит так резко – бормотал он – Кто же поступает столь безрассудно? Предположим, здесь в Ершалаиме, у тебя есть копья твоих гоплитов. А что дальше? В каждую деревню отряд гоплитов не поставишь. Да какая деревня? – он как будто возражал сам себе – Посмотри что в Модиине творится.

– А что там творится? – спросил Публий, не представляющий где находится этот загадочный Модиин.

– А-а! – махнул рукой Агенор – Лучше и не спрашивай. Вот и мой господин в полной растерянности – при этом он почему-то пьяно хихикнул – Хотя он тоже был отнюдь не страж брату своему, Лисимаху⁴ – закончил он совсем непонятно и еще раз мелко захихикал.

Дальнейшие расспросы ни к чему не привели, так как иудея совсем развезло.

Гарнизон крепости в эти дни вел беспокойную жизнь. Прибыло небольшое подкрепление, и гоплиты начали совершать вылазки на холм. Вначале Публий думал, что это обычное патрулирование оккупированного города, но оказалось, что он еще не до конца избавился от юношеской наивности. Воины возвращались в цитадель, нагруженные мешками с добром и быстро выяснилось, что под видом патрулирования идет грабеж зажиточных домов. А однажды он заметил среди добычи, которой хвалились гоплиты, дорогие сосуды, явно не из частных домов. Похоже было на то, что сирийцы разграбили сокровищницу иудейского храма. Нетрудно было предположить, какие эмоции вызывали у туземцев беззастенчивые грабежи: гоплиты нередко возвращались с ранеными, хотя убитых больше не было – эллинских воинов спасала крепкая броня. Зато доставалось филоэллинам из иудеев: их частенько избивали, но случались и погромы, а порой и убийства. Наместник ответил серией казней, спровоцированных несколькими доносами. Все это со смехом рассказал инженеру неугомонный

⁴ Лисимах, брат Менелая, оставленный им местоблюстителем, был растерзан толпой разгневанных евреев.

Никандр. Неунывающий сириец был ему симпатичен, но порой способность эфесца веселиться по любому поводу граничила с цинизмом и коробила Публия. Подружился он также с Гордием, кавалеристом под началом смешливого Никандра. Гордий был посерьезней своего командира и не позволял себе скабрёзных шуточек, может быть потому, что происходил из старинного эпигонского рода и гордился тем, что его предки сопровождали самого Александра.

Происходящее наверху, на холме не давало самниту покоя, вызывая нелегкие вопросы. Кто он такой? Зачем он здесь, в чужой и непонятной стране, среди странного, чуждого ему народа. Будет ли он убивать иудеев, если ему прикажут? Он ведь не стрелок, не воин, не убийца, а строитель. Но сейчас строитель был более занят разрушением стен, чем возведением новых, а его военная профессия могла быть востребована в любую минуту. Задумываться надолго у него, к счастью не было времени, и все так и тянулось день за днем: разрушение стен, возведение стен и заведение Доситеоса по вечерам. В один прекрасный, а может и не столь прекрасный день, его внимание привлекла суматоха во дворе цитадели. Там бегали воины, нагружали какую-то повозку и явно происходило нечто более грандиозное, чем формирование очередного патруля. Какую еще темную авантюру они затевают, насторожился Публий. Он снова задумался, и было о чем, но тут его мысли прервал знакомый голос, выкрикивающий его имя.

– Эй, инженер, подойди – кричал ему эфесец – Тут есть работенка для тебя.

Публий пошел на зов и в углу крепостного двора приметил две стационарных баллисты явно римской работы и необычного вида “скорпион” на колесах. Последний заинтересовал инженера, ни разу не видевшего многозарядный стреломет. Хитрая конструкция позволяла, судя по всему, выпустить одновременно восемь коротких железных стрел с калеными наконечниками. Стрелы укладывались в желобки и натягивались одной тетивой. Желобки располагались не параллельно, а слегка расходились, так что при выстреле смертоносные “жала” должны были вылетать веером.

– Славная машина – похвалил Публий, проверив натяг тетивы и ход торсионов.

– Вот за нее-то ты и будешь отвечать в походе – приказал Никандр – А эти баллисты оставь, они нам не понадобятся, мы не собираемся штурмовать крепостные укрепления.

– Собираетесь отбивать наскоки кавалерии или воевать против фаланги?

– Фалангу такое вряд ли остановит – засомневался Никандр – Натяг слабоват, ему не пробить медный щит. Но мы и не собираемся воевать с фалангой. С кавалерией, впрочем, тоже.

... И, отвечая на незаданный вопрос, пояснил:

– Такая штука очень хороша, когда на тебя прет невооруженная толпа. Ты не поверишь, а сам видел как одна стрела пробила двоих. Шинкует мясо, прямо-таки ломтями. Правда нашего прежнего инженера потом зарезали местные. Но он сам виноват, нечего посещать шлюх по ночам и, особенно, в верхнем городе, когда их с избытком хватает здесь неподалеку, и, заметь, даже в дневное время.

Это его так рассмешило, что он согнулся пополам от смеха, а вот Публию было почему-то не смешно. Он представил себе, как ему прикажут выпустить восемь смертоносных жал “скорпиона” в толпу женщин, детей и стариков, и к горлу подступила тошнота. К тому же, он заподозрил, что сирийского инженера зарезали вовсе не из-за женщины. Похоже, он не сумел сдержать свои эмоции и что-то такое отразилось на его лице, потому что Никандр удивленно воскликнул:

– Ты чего это? – и добавил – собирайся, мы сейчас выступаем. Давай, давай, все вопросы потом...

Публий успел только опоясаться мечом и схватить свой шлем, как отряд начал выползать через ворота. “Скорпиона”, хоть он и был колесным, погрузили на повозку, рядом с которой, держась за станину стреломета, он и пошел в хвосте отряда. Всего он насчитал четверых всадников, среди которых были Никандр и Гордий, и десятка два гоплитов, которые покидали свои тяжелые щиты на повозку, везущую “скорпиона”, но оружия из рук не выпускали. Только свои

длинные луки и колчаны со стрелами они доверили вознице второй повозки, груженной также запасом "жал" для "скорпиона", подков, гвоздей и еды. Отряд прошествовал тем-же путем, которым самнит попал в Ерушалаим двумя месяцами ранее, но теперь дорога была пыльной, а солнце жарило немилосердно. К счастью, вскоре упали сумерки, но отряд не замедлил движения, надеясь проделать часть пути по ночной прохладе. К великому удивлению Публия, за городом к ним присоединился один из боевых слонов с тремя погонщиками на нем, возглавив колонну. Дорога продолжала постепенно идти вниз и было ясно, что она разминулась с тропой, по которой Публий поднимался в Ерушалаим. Без солнца было трудно определить направление, но похоже, что отряд двигался куда-то на северо-запад. Никандр подъехал к нему и прокричал сквозь пыль и грохот гоплитских сандалий:

– Идем на Модиин. Ох и повеселимся...

Публий вспомнил слова Агенора, посмотрел на "скорпион" и опять с трудом сдержал позывы желудка – никандрово "веселье" его почему-то не вдохновляло. Ночь прошла в пути, шли и утром, а раскаленный полдень переждали в тени скалы. К вечеру снова тронулись в путь. Дорога все шла и шла вниз, горы кончились и началась равнина с пологими холмами. Кедровые и сосновые леса сменились дубовыми рощами, а потом пошли обработанные поля, на которых уже что-то зеленело. Здесь не было террас, как выше в горах, поэтому фруктовых садов было меньше, зато появились оливки, такие привычные уроженцу южной Италии. Маслины на деревьях были непривычные, мелкие, но Гордий объяснил, что этот сорт дает самое ароматное масло и ценится на весь Восток, хотя до Италии его слава еще не докатилась. Вдалеке виднелись дома, скорее даже низкие хибары с соломенной крышей, зато с каменными, плохо обработанными стенами. Здесь уже можно было увидеть в полях волов, тянущих плуг непривычного для эллинов и римлян вида. Наконец, показался и город, состоящий из таких-же каменных домов, правда под более прочными крышами, среди которых попадались и новомодные – черепичные. Отряд беспрепятственно прошел по главной улице, в которую превратилась дорога, дошел до центральной площади и остановился. Публий огляделся. Небольшую площадь окружали одноэтажные дома с плоскими крышами, а посередине возвышался стереобат – ступеньки – с двумя бессмысленно торчащими колоннами, но без соответствующего храмового здания. Поначалу местных жителей не было видно, лишь за заборами прятались любопытные мальчишки, пришедшие поглазеть на слона.

Гоплиты выстроились в восточной части площади, напротив храма и разобрали свои щиты. Похоже, сирийцы кого-то ждали. И верно, после часа или двух ожидания, на площади появился эскорт из двух конных воинов, десятка гоплитов, богато одетого невооруженного всадника и человека в хитоне на ослике. Когда последний слез с лошади, снял притороченный жезл, водрузил на него венок и молча направился к возвышению, Публий сообразил, что это был "иерей" – жрец одного из эллинских богов. В греческих богах он не разбирался и не мог определить небесного покровителя по атрибутам, но Никандр подсказал ему: "Аполлон". Потом сириец указал ему на невооруженного всадника и прошептал:

– Это Аппеллес, доверенное лицо самого наместника. Посмотрим, как он разберется с местными.

Лицо доверенного лица было нахмуренно, и Публий догадался, что разобраться с иудеями, возможно, будет не так просто.

Тем временем на площади начали собираться местные жители. Публий впервые видел иудеев в их одежде, если не считать Агенора и Доситеоса, которые одевались также как и сирийцы. Местные же иудеи, в отличие от филоэллинов, носили полотняные штаны, но не обтягивающие, как у северных варваров, а свободные, хотя в остальном их одежда мало отличалась от греческой. В хитонах были немногие, причем их хитоны были сплошными, с вырезами, так что нечего было скреплять фибулами. Однако, большинство пришло в туниках – вероятно это была рабочая одежда ремесленников и крестьян. В руках у людей в туниках были

рабочие инструменты: клещи, молоты, мотыги и, почему-то, серпы, хотя пора жатвы должна была наступить еще не скоро. На головах некоторых из людей в туниках были головные уборы из причудливо закрученных шарфов. Публий видел такие на полях Греции и Египта и понял, что это были крестьяне, работающие под лучами палящего солнца. Женщин было немного и одеты они были совершенно также, как и в знакомых инженеру городах Эллады и Италии. Если бы кто-нибудь в этот момент спросил Публия, каково его впечатление от иудеев, то он бы отметил первое, что бросалось в глаза: мужчины были бородаты, а женщины красивы.

Иудеи молчали, лишь настороженно поглядывали на жреца, который, следуя указаниям Апеллеса расставлял какие-то предметы под кособокими колоннами храма. В одном из этих предметов Публий узнал переносной алтарь-жертвенник. Два гоплита покопались в повозке и вытащили оттуда огромный сверток, развернули его и показали свету деревянную статую. Судя по венку и коряво выполненной лире, статуя должна была изображать Аполлона, однако тот, надо признаться, выглядел не слишком эффектно. Золотистая краска на голове бога солнца изрядно облезла, лира треснула, а положенного ему по статусу лука не было вовсе. Аполлона водрузили на вершину стереобата и он застыл там с неестественной улыбкой на устах. По площади прокатился какой-то ропот, однако быстро затихший. Апеллес осмотрел толпу внимательными глазами, под прищуренными веками, и поманил кого-то ласковым жестом руки. Из толпы вышел иудей, одетый богато и с явным греческим уклоном в одежде: штанов на нем не было, зато он гордо нес богато расшитый передник поверх белоснежного хитона с безупречными складками, а его спину покрывал темно-бурый плащ. Его хитон тоже был скроен по-эллински, из двух полотнищ, скрепленных дорогими фибулами. Надо было думать, что в такую жару он потел неимоверно в своей роскошной одежде, но непохоже было, что это его смущает. Когда носитель великолепной одежды выступил из толпы, его место в первом ряду заступил пожилой иудей примечательной наружности. Он тоже был одет богато, хотя и неброско. Особо выделялся верхний хитон, не полотняный, как у других иудеев, а льняной. Голова старика была повязана витым шнуром из ткани двух цветов: синего и черного. И этот старик вышел из толпы вслед за щеголем, оттолкнул его не слишком вежливым жестом и первым подошел к чиновнику. Щеголь так и застыл в растерянности, а старик уже смотрел в лицо Апеллесе: он был высокого роста и, хотя стоял на ступеньку ниже, оказался тому вровень. На площади воцарилась тишина, гоплиты, казалось, перестали дышать, иудеи молчали, не фыркали лошади, и лишь один слон пыхтел, перебирая ногами. Наконец, иудей прервал молчание:

– Возрадуйся – сказал он по-гречески, настороженно глядя на Апеллеса.

– Будь счастлив и ты, Маттитяху⁵ – приветливо воскликнул тот – Рад видеть тебя здесь.

– Я тоже буду рад, эллин – насмешливо сказал тот, кого называли Маттитяху – Если ты пришел с миром.

– Я не только пришел с миром, я принес мир.

– Какой мир? Мир эллинов или мир иудеев? – в голосе Маттитяху по-прежнему слышалась насмешка.

– Оставь свои насмешки, священник – недовольно пробормотал сириец – Мы несем тебе новый мир, мир нашей Великой Сирийской Империи, от Тавра до Нила. И в этом мире не будет ни иудея ни эллина, а будут лишь подданные нашего могучего базилевса Антиоха, послушно выполняющие волю богов. Таково желание нашего царя! Да свершится оно, и ваш иудейский бог встанет как равный в ряду наших богов и ему тоже будут принесены богатые жертвы. Так давай же, во имя нашей будущей дружбы, принеси жертву златовласому Аполлону, а я принесу богатую жертву твоему невидимому богу.

⁵ Русское написание – Маттафия

При словах "невидимый бог", Публий вопросительно посмотрел на Никандра, но тот лишь удивленно пожал плечами. К тому же, как заметил инженер, Апеллес явно приврал: его империя не дотягивала до Нила, откуда ее сильно потеснили угрозы Рима. А иудей уже отвечал:

– У нас нет богов, ни видимых, ни невидимых, сириец. У нас есть наш Господь и ему не нужна твоя жертва. Может быть Господь и не отказался бы заключить с тобой союз, прими ты обрезание, но я вижу, что ты еще не готов.

– Обрезание! – усмехнулся тот – Может у тебя и есть что-то лишнее, но я-то дорожу своей крайней плотью.

– Тогда иди с миром – отрезал Маттитяху и повернувшись спиной к Апеллесу, направился было обратно.

– Стой, Маттитяху Хашмонай! – закричал тот – Ты что, отказываешься выполнять повеление нашего правителя?

Иудей остановился и медленно, повернув голову впол оборота, отчеканил:

– Много земель, и много народов с великим множеством своих богов населяют империю твоего царя. Но пусть даже все они станут повиноваться ему и оставят веру своих отцов, я, мои сыновья, и мои братья, останемся верными союзу наших предков. Сохрани нас Господь, чтобы мы оставили закон и обеты. Мы не будем повиноваться приказаниям царя и мы не уклонимся от нашей веры ни на шаг, ни вправо, ни влево⁶.

Пока он говорил, из толпы вышли пятеро молодых мужчин, похожих лицом на иудейского священника, но с иссиня-черными, а не седыми бородами, и Публию стало ясно, о каких сыновьях говорил Маттитяху. Еще он упомянул братьев, но похоже это был образ речи, потому что несколько мужчин, потянувшихся вслед за пятерыми, не были похожи на ни на них, ни на их отца. Вот только выражение лиц у них было такое же: их лица выражали мрачную решимость. И такую же решимость выражало лицо иудейского священника, когда он встал впереди своих сыновей, образовавших подобие клина у него за спиной.

– Ну что же – с холодным спокойствием сказал Апеллес – Раз ты не хочешь повиноваться нашему правителю, то пусть гнев богов падет на твою голову.

– Я не боюсь ваших богов – так же спокойно отозвался Маттитяху – Меня хранит мой Господь.

– Ты забываешь, что волю богов исполняют люди!

– Людей мы тоже не боимся!

– Напрасно ты, старик, говоришь за всех. Может быть найдется хоть кто-нибудь послушный царской воле?

При этом сириец вопрошающе взглянул на щеголя, оттесненного иудейским священником. Тот, поколебавшись, подошел к жрецу и принял из его рук ягненка.

– Не стоит это делать, Узия – предостерег его Маттитяху.

Щеголь, названный Узией, неуверенно посмотрел на чиновника, который покровительно ему улыбнувшись, повернулся к священнику.

– Я слышал, что ты, старик, продолжаешь делать обрезания – строго произнес он – А известно ли тебе, что наш повелитель запретил этот варварский обряд?

– Никто не может запретить союз между иудеем и Всевышним!

– Это мы еще посмотрим – угрожающе сказал Апеллес и, повернувшись к Узии, прикрикнул – Ну что же ты? Режь!

Все время оглядываясь на Маттитяху, Узия принял нож из рук жреца.

– Узия! – вскричал священник, подавшись к алтарю.

– Я не Узия – неожиданно твердо заявил щеголь, подняв нож – Я – Ясон!

⁶ Приблизительный перевод речи Маттитяху из хроник Иосифа Флавия.

И он сверкнул ножом, но опустить его не успел. Публий поначалу даже не понял, что произошло. Он лишь видел как Маттитяху неправдоподобно быстро метнулся вперед и сделал неуловимое движение рукой. Узия (а может – Ясон?) изумленно посмотрел на старика и схватился за горло, выронив и нож и ягненка. Из под его рук, судорожно сжатых на горле, вырвались красные струйки, непоправимо испачкав белоснежный хитон. Ягненок тихо заблеял, и только тогда в толпе зашумели, а Апеллес отпрянул назад и гневно заорал гоплитам:

– Убить! Убейте их всех!

Но долго кричать ему не дали... Пятеро сыновей старика внезапно выхватили из-под своих длинных одежд короткие мечи и, бросившись вперед, закрыли отца. Однако он, растолкав их бросился вверх по ступенькам, туда, где стояли чиновник наместника и жрец Аполлона. Маттитяху двигался удивительно быстро, казалось ему совсем не мешают его длинные, развевающиеся одежды. В руках у него был маленький нож странной формы, наверное тот, которым он зарезал Узию, и этим же ножом он быстро и деловито перерезал горло Апеллесу. И только тогда сирийцы вышли из оцепенения...

С этого момента события начали развиваться быстро и одновременно. Опомнившиеся гоплиты моментально построили "стену щитов", сомкнувшись и выставив вперед копья. Это, скорее всего, сработала сила привычки, потому что такое построение ничего не давало против неорганизованной толпы. Тут, пожалуй, стоило бы встать пореже, успел подумать Публий, но долго размышлять ему не дали.

– Готовься к стрельбе – заорал Никандр и махнул рукой воинам – Ты, ты, ты и ты.

Четверо гоплитом отделились от "стены" и стали быстро и деловито сгружать "скорпиона" с повозки. Толпа уже начала разбегаться и на площади остались шестеро Хашмонеев и десятка два "братьев". Они образовали плотную группу, оцетинившуюся неизвестно откуда появившимися мечами и начали медленно отступать в проулок. "Скорпион" шлепнулся в пыль, и Никандр выкрикнул на едином дыхании:

– Заряжай! Да заряжай же, покарай тебя Гефест!

Трясущимися руками Публий вставил восемь жал в желобки и начал крутить хитрый механизм. Зубчатое колесо защелкало, натягивая тетиву.

– Слон! – продолжал орать Никандр – Слон пошел! Веди слона!

И действительно, слон, понукаемый погонщиками, пошел на отступающую группу иудеев. Но тут случилось неожиданное... Из еще не успевшей рассеяться толпы выскочили двое, размахивая серпами. Этими серпами они молниеносно и аккуратно подсекли левую переднюю ногу гиганта. Вот тут-то Публий и понял, зачем были нужны серпы за несколько месяцев до жатвы. Еще в Египте он видел боевые серпы в войске Птолемея и знал, какое это грозное оружие в ближнем бою. Истошно затрубив в свой хобот, слон запрыгал назад на трех ногах, наступив при этом на наполовину заряженного "скорпиона". Хрупкая деревянная конструкция треснула, а два жала из восьми взлетели наискосок вверх и попали слону прямо в подошву его неосторожно поднятой задней ноги. Казалось бы животное и так вопило во всю мочь, но тут он рухнул на колени и заорал так, что у Публия заложило уши. И в этот момент полетели стрелы...

Они летели с крыш окружающих площадь домов. Стрелков было не слишком много, не более десятка, а может и меньше, но стреляли они со всех сторон. Один гоплит сразу упал со стрелой в левом глазу, а остальные попытались перестроиться в "черепаху" по римскому образцу. Вот тут-то и проявился недостаток круглых эллинских щитов, которые, в отличие от римских – прямоугольных, оставляли щели, уязвимые для опытных стрелков. Иудеи стреляли не слишком хорошо, но все же сирийцы потеряли троих ранеными, прежде чем "черепаха" попятилась до переулка и исчезла в нем. Хашмонеи тоже пропали на противоположном конце площади, а около алтаря остались несколько тел, растерянный жрец и не менее растерянный Публий, в которого почему-то никто не стрелял. Лишь в сухую землю около его ног воткнулась

одинокая стрела, как безмолвное, но несомненное предупреждение. Не совсем соображая, что он делает, инженер медленно пошел в переулочек вслед за "черепахой". Сломанный "скорпион", истощенно вопящий слон и повозка с неиспользованными гоплитскими луками, так и остались посреди площади.

Отряд эллинов Публий догнал сразу за Модиином. Сирийцы перевязывали раны, были злы как черти и готовы были обсуждать исключительно планы мести. Самым разумным и, по стечению обстоятельств, самым главным, оказался Никандр.

– Перво-наперво, остыньте, друзья – сказал он насмешливо – Все эти иудейские крысы из Модиина давно забились по щелям, а те, что сражались с нами, уже на пути в горы. Еще раз говорю вам – остыньте! А тем временем я попытаюсь сообразить, как научить наших иудейских друзей уму-разуму.

Тут он вдруг остановился, ударил себя руками по коленям и захохотал:

– Слон! А слон-то? Ох и наедятся они слоновьего мяса на дармовщинку!

– Я как-то ел хобот слона – подхватил Гордий – Ну и вкусная же штука, если запечь его в углях, доложу я вам.

– Не будут они есть слона – хмуро заметил незнакомый молодой гоплит.

– Это почему же? – удивился Никандр.

– Они едят только мясо коров, коз и овец – так же хмуро ответил тот.

– Верьте Антипатру, друзья – ехидно произнес, выйдя вперед, гоплит с совершенно лысым черепом – Ведь он и сам из иудеев.

– У меня только бабушка местная, а все остальные – такие же эллины как и ты – возмутился Антипатр.

– Опять вы за свое! – сурово произнес Никандр – Чтоб я этого больше не слышал. Наш царь хочет сделать из всех иудеев правильных эллинов, а ты, Кирос, похоже, с ним не согласен?

Лысый Кирос заметно смутился от этих слов и отступил назад.

– Может, тогда вернемся и заберем слона? – предложил Гордий – Хоть наедемся вволю!

– Все бы тебе пожрать – недовольно проворчал Никандр – Уж если на то пошло, нам скорее стоило бы вернуться за луками, но, боюсь, именно этого от нас и ждут. Нет, уж лучше мы вернемся в Хакру и хорошенько подготовимся. Не худо было бы также узнать их слабые места.

Немного подумав, он добавил, обращаясь к молодому гоплиту:

– Иди сюда, Антипатр, пойдешь держась за попону моего коня.

На обратном пути от внимания Публия не укрылось, что Никандр всю дорогу переговаривался о чем-то с молодым гоплитом, наклоняясь в седле так низко, что их тихого разговора не было слышно.

По возвращении в крепость, Публий вернулся к своим рутинным обязанностям строителя-разрушителя. Со скуки, он несколько раз пытался уговорить Никандра взять его с собой наверх, в Ерушалаим, но сириец каждый раз твердо и бесповоротно ему отказывал. По его словам, это было и опасно и неразумно. Действительно, наверху было неспокойно, многие иудеи не смирились с новыми законами Антиоха. Законы эти, если верить Никандру, были не из мягких: иудеям запрещалось делать младенцам обрезание, изучать их священную книгу, отмечать праздники и многое другое. Публий толком не знал, что происходит наверху, а вот филиоэллины нижнего города восприняли эти запреты по-разному. В таверне Доситеоса он снова встретил пьяницу Агенора, как ни странно – совершенно трезвого, уныло поглощающего похлебку из миски и запивающего ее слегка подкрашенной вином водой. На этот раз прислужник Перво-священника не чурался инженера, хотя и не был многословным.

– Ты спрашиваешь, что творится наверху, латинянин? – выдавил он сквозь зубы – А ты как думаешь? Что бы ты сделал, если бы разбили твоих глиняных богов, запретили бы веру твоих предков и не разрешили бы говорить на языке, на котором твоя мать пела тебе колыбель-

ную? Наверное, ты бы поискал где-нибудь дубинку побольше и нож поострее, а также тот лоб, который можно разбить той дубинкой и тот живот, который следует порезать тем ножом. Не правда ли? Ты бы именно так и сделал. Вот и сообрази, что творится наверху. Нет, напрасно, думается мне, радовались наши деды терпимости и открытости Александра Великого. Вот так все и начинается, вначале совсем мягонько, а потом – ох как жестко. Но тебе, латинянину, этого не понять...

Если бы он знал, что Публий самнит, а не римлянин, то возможно нашел бы другие слова, хотя инженер не мог припомнить, чтобы его родичи столь же отчаянно сопротивлялись римскому влиянию, сколь иудеи – эллинизму. В чем же здесь разница, если даже филоэллины выражают недовольство? Наверное, что-то особенное должно быть в этих людях наверху. Но додумать ему не дали, так как за их столик плюхнулся невероятно довольный собой Никандр.

– Ага! Разбавляете! – радостно завопил он – И правильно делаете, только не слишком усердствуйте, а то не почувствуете вкуса вина. Эй, хозяин, нам еще два кувшина такого-же и маленький кувшинчик воды!

Трактирщик Доситеос принес заказанное и, наклонившись к уху Публия, прошептал:

– Нашего Агенора прогнали из канцелярии Первосвященника, и он теперь в отчаянии. Не знаю, что именно он раньше заливал вином, а теперь ему и вина не надо. Ну, Агенору-то, похоже, терять нечего, а ты бы был поосторожнее, господин...

– Эй вы, там, бросьте шептаться! – орал Никандр – Какие могут быть секреты между друзьями. Давайте выпьем за нашего базилевса, можно даже сказать – императора!

С этими словами он встал и возгласил:

– За Антиоха Эпифана!

Публий, не испытывая особого восторга, поднялся со своим кубком, а Агенор остался сидеть.

– А тебе, иудей, что, требуется особое приглашение? – угрожающе прошипел сириец.

Пристально глядя на него, Агенор поднялся.

– Ну, так-то лучше – примирительно проворчал Никандр – Только не забудь разбавить свою воду вином – закончил он со смехом.

– Итак, давайте же выпьем за нашего царя – устрашающе спокойно начал Агенор – Так будем же пить за властителя греков, у которых нет ни пяди земли Эллады. Выпьем за правителя, что начал три войны с Египтом и все три проиграл. За того цара будем пить, что так ненавидит своих подданных и придумал для них столь жестокие законы, что они просто не могли не взяться за оружие. Выпьем же за то, чтобы он жил вечно и у него было время потерять Иудею, так же как его отец потерял все владения в Элладе.

Не успел сириец опомниться, как иудей выпил свой стакан и медленным шагом пошел прочь из таверны. Благодушно настроенный Никандр немедленно рассвирепел и схватился за меч. Сыпя самыми темными ругательствами и поминая всех известных ему богов, разгневанный кавалерист рвался немедленно мчаться вдогонку и зарубить негодяя на глазах у всех в назидание непокорным. Публию едва удалось удержать его, мотивируя это тем, что не следует накалять и без того накаленную обстановку в городе. Наконец, Никандр успокоился и немедленно потребовал сначала еще вина, а потом, с некоторым сомнением, немного воды.

– Надоели мне эти евреи – проворчал он.

– Кто? – удивился Публий.

– Так они сами себя называют – пояснил сириец – А еще они говорят о себе "бней израэль", уж не знаю, что это обозначает. Да не очень то и хотелось мне в это вникать. Народец, конечно, странный, мне Антипатр много чего интересного о них рассказал. Например, знаешь ли ты чем их жрец зарезал тех двоих в Модиине?

Публий, разумеется, не знал, и Никандр пояснил, чуть не умирая со смеха:

– Ножом для обрезания! Он им сделал обрезание, да только в другом месте. Но каков умелец, этот старик!

Немного помрачнев, он добавил:

– Однако и мы не пальцем деланы. Посмотрим, кто кого!

Публий поначалу не обратил внимания на его слова, приписав их пьяному хвастовству кавалериста, но через несколько недель он убедился, что Никандр грозился не зря. К этому времени стена вокруг Ершалаима была почти полностью разобрана. Публию воистину было чем гордиться: он проявил себя неплохим архитектором, хотя разборка стен наверху не и принесла ему ни славы, ни удовлетворения. Зато стена вокруг цитадели поднялась почти до основания холма и выглядела вполне прилично.

Гарнизон цитадели, изначально не слишком большой, увеличился изрядно. Кроме дополнительных гоплитов прибыла и легкая пехота – пельтасты, и в казармах стало тесно. Однажды большая часть гарнизона выступила в поход и отсутствовали они целых три недели. Куда они отправились, Публию не сообщили, а спросить было не у кого, потому что Никандр и Гордий ушли с войском, а оставшиеся ничего толком не знали. Наконец, войско вернулось и вернулось как-то странно. Большинство воинов выглядели довольными, а Никандр прямо-таки сиял. Похоже было, что они вернулись с победой, причем победой совершенно бескровной, так как повозки не везли ничего, кроме щитов, луков и провизии: ни раненых, ни мертвых тел видно не было. Публий наткнулся в гарнизонной дворе на Антипатра и попытался было его расспросить, но всегда такой приветливый молодой гоплит был сегодня мрачен, похоже, совсем не радовался итогам похода и был неразговорчив.

– Я весь в дерьме, римлянин – только и сказал он – Весь, с ног до головы, в самом дерьмовом дерьме. Надо бы отмыться, да вот не знаю, получится ли.

В детали он вдаваться не стал, оставив инженера в совершенном неведении. Только когда Публий встретил Никандра в заведении Доситеоса, ему удалось узнать подробности похода. Захлебываясь слюной, тот рассказывал, что войско напало на лагерь мятежных иудеев в долине южных гор и полностью вырезало всех.

– Ох и потоптался наш оставшийся слоник в их кровушке – рассказывал сириец – Отомстил за друга по полной. А эти-то – он захихикал – Даже не сопротивлялись. Ты его режешь, а он смотрит на тебя коровьими глазами и даже не пытается оружие поднять. А копьё-то или та же секира тут же рядом лежат. Смех, да и только!

Он продолжал смаковать подробности и нетвердый на желудок Публий едва сдерживая позывы, все же спросил:

– Но почему они не сопротивлялись?

– Кроносов день⁷ – радостно завопил Никандр – Эти бараны не воют в кроносов день. Мне это Антипатр рассказал. Ну мы, не будь дураками, и подгадали напасть них именно в этот день. Этот их невидимый бог запрещает им работать по этим дням. А воевать, это у них за работу считается, вот умора-то! По мне, к примеру, помахать мечом это забава, вроде как в театр сходить. Ну ничего, мы этих евреев научили, как от работы отлынивать.

– Так вы что, всех вырезали? – спросил инженер, с трудом удерживая спазмы желудка.

– Ну как тебе сказать? – ухмыльнулся сириец – Женщинам, к примеру, мы дали немного пожить. Совсем недолго, знаешь ли. Не пропадать же добру.

– Можно было бы их продать – осторожно предположил Публий.

– Этих-то? – удивился Никандр – Да ты, я вижу, ничего в рабах не смыслишь. Не стали бы они работать, по глазам видно. Да их бы никто и не купил. На что у нас, в Элладе, нянчатся с рабами, а здесь все еще хуже. Мне вот больше по духу ваш, римский подход.

⁷ суббота

В небогатой семье Коминиев рабов не держали, поэтому на институт рабства Публий смотрел со стороны, отрешенно. В Риме рабов действительно считали разновидностью домашней скотины и относились соответственно. Раба можно было безнаказанно убить, изнасиловать или искалечить. Правда общество эти забавы не поощряло, даже осуждало, но не преследовало. И так было в Риме, с его строгим и всеобъемлющим законодательством. Странствуя по Элладу и государствам диадохов, Публий с удивлением увидел, что к рабам можно относиться иначе. Здесь их считали, скорее, иной разновидностью людей и даже охраняли законом, причем за то-же преступление раб, как правило, наказывался мягче, наверное, чтобы не портить ценное имущество. Встречались даже богатые рабы, социальный статус которых можно было определить лишь по неподшитой одежде. Интересно, подумал Публий, справившись, наконец, с позывами, чем же положение рабов у иудеев так отличается, если даже эллинов это удивляет. Но додумать свою мысль ему опять не дал неутомимый сириец, продолжавший смаковать подробности.

– ... Девки у евреев хороши – разливался он соловьем – Подержишься раза этак три-четыре за какую-нибудь из них, а потом дашь слонику по ней потоптаться, и получается славная такая лепешечка... Ой, какие мы нежные!

Он засмеялся он, вероятно заметив, как позеленело лицо собеседника и, нагло глядя в глаза Публию, нарочито медленно продолжил:

– Не тушуйся, Каминий, повоюешь с мое – привыкнешь. Мы уже несколько раз атаковали их в кронос день и, поверь мне, воинам это понравилось. Теперь, говорят они, всегда будем так воевать. А вот мне так стало даже не хватать небольшой такой схватки, ну я и попробовал предложить некоторым из них поднять оружие и умереть как мужчины. Представь себе – не берут. Мне даже надоело, что ли... Вначале режешь евреев как скотину, потом наслаждаешься их девками, потом режешь девок...

Публию стало совсем дурно и очень хотелось заехать сирийцы по наглomu носу, но не было сил. А Никандр, похоже, наслаждался своим рассказом:

– Там, наверху, в городе, мы тоже навели порядок. Наш базилевс под страхом смерти запретил им изучать их священные книги, а нас послал проверять. Так что они придумали: ворвешься было к ним в дом с проверкой, а они на полу волчки крутят, игра мол такая. Спрашиваешь, где книги? А нет книг, говорят. Но старого Никандра не проведешь. Нет, говорю, и не надо, и уходим. А уходим-то недалеко и тихонечко так поджигаем дом. Дома-то у них из глины пополам с соломой, так что если маслица подлить, то горят, слабовато, но горят. Тут они и начинают выбегать, и что, ты думаешь, тащат? Не догадываешься? А вот что: детишек в одной руке и книгу в другой. У нас в сотне есть один умелец, так он на спор проткнул копьем всех троих за раз: и книгу, и мальчонку и его папашу. Я даже позавидовал, вот дал же Арес силу мужику. Может надо было чаще жертвы приносить?

Нет, не выйдет из меня воина, подумал Публий, чувствуя как к горлу опять подступает горькая, мерзко пахнущая струя, и поспешил сменить тему.

– А как же старик священник и его сыновья? – спросил он.

Этот вопрос заставил Никандра поморщиться. Вся его веселость сразу куда-то исчезла.

– Их мы не застали. Пленные, пока были живы... – при этих словах он, казалось бы, снова развеселился, но быстро стал снова серьезным – Так вот, пленные показали, что все Хашмонаи ушли в горы... Эй, трактирщик, тащи еще вина.

– Вина больше нет, господин. Вы все выпили – сказал подошедший Доситеос, опуская глаза.

– А вода тоже кончилась? – гневно завопил сириец.

– Кончилась – твердо заявил Доситеос, взглянув ему в глаза.

Неизвестно, что там увидел Никандр, только он медленно поднялся, смерил трактирщика убийственным взглядом, и, плюнув в кувшин, направился к выходу гордой походкой кавалери-

ста. Заплатить он, наверное по забывчивости, не удосужился. Публий недоуменно посмотрел на Доситеоса, и теперь тот отвел взгляд.

– Говорят, теперь старый Маттитяху разрешил сражаться в шабат – пробормотал он, так и не глядя на инженера.

– Шабат? – удивился Публий.

– Кроносов день. У нас он называется – шабат.

– А этот старик, он что, законодатель? Или толкователь воли богов? – удивился Публий.

– Он всего лишь тот, кому люди верят – непонятно объяснил трактирщик.

– И что же теперь будет?

– Будет очень плохо. Будет война.

Больше ему ничего не удалось добиться от неразговорчивого сегодня Доситеоса. В следующие несколько недель в цитадель начали приходить вести о нападениях с гор и вырезанных сирийских гарнизонах в окружающих Модиин деревнях. Нападения постепенно участились и уже находились те, кто видел повстанцев на окружающих Ершалаим горах, а то и в самом городе. Скорее всего, это были лишь слухи, не имеющие ничего общего с действительностью, но эллинский бог Пан, надо полагать, довольно потирал свои коротенькие ручки. Никто не мог с уверенностью сказать, были ли нападения делом рук Хашмонеев, но молва все случаи огульно приписывала им.

Публий получил задание – изготовить новый скорпион взамен потерянного в Модиине. Это было, казалось бы, много интереснее, чем ломать стены, но не лежала у него душа к изготовлению орудий убийства. И все же к делу он подошел серьезно: заказал, по совету местных столяров, древесины кедра, сам свил прочную тетиву из воловых жил и потребовал изготовить металлические детали для натяжного механизма. Поразмыслив, Публий отказался от многострельности и построил классическую, надежную машину. Он сам весьма добросовестно наблюдал за работой гарнизонного кузнеца, изготавливающего зубчатые колеса и вал, требовал стали вместо железа, проверял качество закалки. Он даже рискнул поэкспериментировать и сделал огромный лук не из дерева, а из тонкой стальной полосы отличной закалки. Таких полос пришлось изготовить несколько про запас, так как они, несмотря на свою гибкость, ломались после десятка выстрелов. Но это все же было менее трудоемко, чем тщательное, долгое изготовление композитного лука, требующего длительной просушки. Скорпион получился на славу, его длинная, оперенная стрела летела почти на целую стадию, пробивая деревянный щит. Вот только радости от этого Публий почему-то не испытывал.

А дела в Иудее обстояли все хуже и хуже для селевкидов. Теперь уже весь верхний город – Ерушалаим – был в руках мятежников, а сирийцы редко решались выйти за стену Хакры, несказанно благодарные Публию за их восстановление. Если они и осмеливались покинуть цитадель, то только большим отрядом, возглавляемым слоном. Серый гигант, как и внушительный отряд пельтастов, давно покинули ставший небезопасным лагерь за городом и укрылись в крепости. Теперь уже в ней стало совсем тесно, а крепостной двор совершенно загадил слон, которому теперь негде было пастись. Хотя запасы провизии в цитадели были велики и вода исправно текла с гор по старинному подземному водопроводу, гоплиты, как и пельтасты мечтали вырваться из удушливой, маленькой крепости и просто рвались в бой, вдохновленные бескровными победами в кроносов день. Но теперь иудеи нападали и по шабатам, так что на новую безопасную резню рассчитывать не приходилось. Вначале прошел слух о смерти старика Маттитяху. Впоследствии он даже подтвердился и сирийские лазутчики обнаружили гробницу старика на окраине Модиина. Комендант Хакры несколько дней обсуждал с Никандром попытку разрушить ее, чтобы развеять любую память о мятежном старике. Но сыновья Маттитяху не сложили оружия и посылать экспедицию в Модиин сочли опасным. Тем временем, самарийский наместник Аполлоний собрал в Аскалоне сильный отряд и двинулся на восток с целью соединиться с гарнизоном Хакры. Маленький гарнизон ликовал, Никанд уже выстроил

бойцов для встречного удара, а слон рыл землю в нетерпении, но тут пришла горестная весть. Как оказалось, сильное иудейское войско встретило отряд Аполлония в ущелье Сорек и ударило с двух сторон. Немногие уцелевшие утверждали, что сам Аполлоний пал в бою, сраженный рукой третьего сына старика. Захлебываясь слюнями, они рассказывали самые невероятные версии о бородатом гиганте, с огромной секирой в каждой руке, противостоять которому невозможно. Но один из спавшихся, ветеран высадки в Деметриаде, поведал Никандру совсем иное:

– Его зовут Иуда, и многие называют его "маккаба", молот. Но вовсе не за его ратные подвиги. Эх, братцы, был бы он страшным великаном, мы бы нашли способ его победить. вроде как Одиссей завалил того циклопа. Вот и латинская машина у вас есть... Нет, тут дела обстоят много хуже, поверьте старому вояке. Рассказал бы я вам, да вот в горле что-то пересохло.

Никандр немедленно долил ему вина, не забыв вежливо капнуть воды.

– Так вот – продолжал ветеран – Этот Иуда вовсе не рвется в бой один против всех, хотя Аполлония он действительно завалил собственноручно, да еще и завладел его мечом. Славный был клинок, я даже пытался украсть его, но не успел. Так что в этом мальчишки не соврали. Но молотом его прозвали не за это...

Тут он сделал драматическую паузу и хитро посмотрел на окружающих. Публий с трудом сдерживался, чтобы не засмеяться, а вот Никандр от нетерпения был готов разорвать старика. Тот, как опытный актер, понял это и не стал затягивать паузу.

– Этот иудей более полководец, чем воин. Как он ловко взял нас в том ущелье! Не знаю, сколько их там было, не считал. Но будь их там даже десяток, они бы нас все равно потрепали бы, да и так мало кто ушел. Этот Иуда расставил своих людей со стороны солнца, да так ловко, что против солнца их и не видно. А вот сами мы были у них как на ладони. Да, к тому же, они наловчились метать дротики из пращи. Не поверите, но они даже медный щит пробивают, если сверху, конечно. А другой стороны ущелья на нас летели камни, да не какие-нибудь, а огромные скалы, наверняка приготовленные заранее. И как только я уцелел? А еще, скажу я вам, все это очень плохо пахнет для Антиохии. Ведь к нему все время стекаются люди. Хорошо хоть у вас тут стены крепкие, может и продержимся до подхода войска Сирона.

– Вряд ли дротик может пробить медный щит, да и откуда это знать пельтасту, и которого настоящего щита сроду не было – говорил необычайно серьезный Никандр после ухода ветеран – Но если даже половина из того, что он наврал – правда, боюсь, что нам придется туго в самое ближайшее время. Лишь бы Сирон успел...

Сирон, знаменитый сирийский военачальник, успел, и через месяц к Хакре подошло сильное войско селевкидов и встало перед Ершалаимом. Публий как раз закончил испытывать первый стреломет и уже получил приказ изготавливать второй, однако до второго дело не дошло. Войско Сирона получило приказ выступать и гарнизон Хакры присоединился к нему. Инженера с его грозным оружием прикомандировали к гоплитам и отдали под начало хорошо знакомого ему Никандра Эфесского, который каким-то образом получил звание тысячника – хилиарха и попал из конницы в пехоту. Его хилиархии, кроме Публия с его стрелометом, придали и единственного слона.

К этому времени администрация Антиоха окончательно утратила контроль над Иудеей, за исключением лишь Хакры и Ершалаима. Впрочем, в последнем власть сирийцев была настолько непрочной, что им даже не удавалось защитить филоэллинов. Сторонников эллинизма избивали чем попало среди бела дня и убивали кривыми ножами под покровом ночи. Что касается многочисленных деревушек от Ершалаима до Модиина, то там никогда не приветствовали эллинистов и всегда стояли за дедову веру. Теперь власть там фактически принадлежала пятерым братьям, а сторонники Антиоха попрятались и попритихли. Узнав об этом, разгневанный как провалом своего плана эллинизации всей Самарии, так и изрядно иссякшем потоком налогов, базилевс приказал Сирону разобраться и прижать к ногтю как самих мятеж-

ников, так и тех, кто им сочувствовал. Крови было приказано не бояться, а жалости не проявлять ни к кому. Все это рассказал инженеру Никандр по старой дружбе.

На этот раз сирийцы готовились к походу серьезно. Публий, кроме тяжело вооруженных гоплитов и легко вооруженных пельтастов, заметил отряды пращников и четыре илы⁸ конницы. У него теперь была своя команда из помощника и двух возниц, ведущих повозки с самим оружием, запчастями и запасом стрел. Да, в этот раз войско приготовилось много основательнее, чем для первого, неудачного, похода на Модии. Правда, кроме его стреломета, другой артиллерии не наблюдалось. Огромная армия начала медленно продвигаться к Модии, сметая все на своем пути, очищая встреченные по дороге амбары до последнего зернышка, а заливные луга – до последней травинки. Последнему способствовала конница и слон, который жрал за десятерых. Холмы сменялись холмами, покинутые деревни такими же покинутыми деревнями и было похоже, что поход превратит цветущую страну в пустыню, но вскоре был получен приказ развернуть фалангу и приготовиться. Публий с помощниками лихорадочно сгрузили скорпион и сняли с него защитные клинья, переведя оружие в боевое положение. Пробежавший мимо Никандр крикнул, что разведчики заметили вражеское войско неподалеку, и Сирон приказал готовиться к сражению.

Однако сражения не получилось – противника нигде не было видно, так что фалангу распустили, а скорпиона пришлось погрузить обратно. Армия двинулась дальше и осторожно вступила в неглубокий проход меж двух пологих, поросших невысоким кустарником холмов. Впереди шла конница, за ней – отряд Никандра, впереди которого вышагивал слон, а замыкали его инженерные повозки. Сирийцы были настороже, и хотя в боевые порядки строиться не торопились, но оружие держали наготове, луки в руках, колчаны открыты. Оказалось, что эти предосторожности были нелишним, потому что не успела колонна пройти между холмами, как кто-то закричал:

– Вот они! Вот они!

И действительно, на гребнях обоих холмов показались вооруженные люди, плохо различимые снизу. Казалось, они колеблются, чего-то ждут. Ждали и сирийцы, не торопясь выстраивать фалангу. Вдруг сверху раздался одинокий крик, его подхватили двое-трое, и внезапно отдельные крики переросли в единый, протяжный вой: началась атака.

– Скорпион! – заорал неизвестно откуда взявшийся Никандр – Что стоишь, покарай тебя Гефест!

Полетели стрелы и дротики, но, как показалось Публию, лишь с одного холма. Особенно смотреть было некогда, хитрый механизм требовал осторожности, а в повозки тем временем воткнулось два дротика, один из возниц уже вытаскивал оперенную стрелу из предплечья, раненая лошадь билась рядом. Начали падать камни.

– Стой! – раздался истошный крик Никандра – Оставь свою машину! Не в кого стрелять!

Публий присел за повозкой и осмотрелся. Творилось странное, непонятное. Их атаковали только с одного левого холма, и атаковали странно. Иудеи добежали до нижних кустов, бросали по два дротика и быстро взбегали снова наверх. В это время сверху летели камни и стрелы. Сирийцы попытались выстроить подобие "стены щитов", но в панике перемешались гоплиты с пельтастами, круглые щиты с овальными, и получалось плохо. У подножья склона уже лежало несколько тел, в то время как у иудеев не было заметно потерь. Но все же командирам удалось навести порядок, выстроить воинов и лучников. Последние послали несколько стрел, но стрелять было не в кого – иудеи поднялись наверх и достать их не удавалось. В этот момент снова раздалось несколько криков, перешедших в вой, но неслись они с другой стороны прохода и с этой же стороны полетели стрелы и дротики. Сирийцы построили "стену щитов" и с этой стороны, командиры разделили стрелков, послав часть из них направо. И снова

⁸ 400 человек

иудеи отступили на вершину холма. Казалось бы, противник исчез, отступил, оставив Сирону поле боя. Армия постояла, постояла и медленно двинулась вперед. Раненых и убитых погрузили на повозки, включая и две инженерных, из одной из которых выпрягли раненую лошадь. Но только колонна двинулась, как все повторилось: молниеносная атака слева, отступление, такая же молниеносная атака справа, и снова отступление. На этот раз обошлось лишь парой раненых. И снова колонна двинулась вперед, туда где расходились холмы. Голова колонны уже начала выдвигаться на равнину, когда началась третья атака. Началась она сразу с двух сторон, но преимущества нападающим это не дало: сирийцы, наученные опытом предыдущих атак, быстро перестроились и, в свою очередь, начали стрельбу, причем довольно успешно: несколько тел мятежников остались лежать на склонах, запутавшись в кустах. И тут завопили впереди...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.